

Ариадна
Борисова

Манечка,
или Не спешите
похудеть

За чужими окнами

Ариадна Борисова

**Манечка, или Не спешите
похудеть (сборник)**

«ЭКСМО»

2013

Борисова А. В.

Манечка, или Не спешите похудеть (сборник) / А. В. Борисова —
«Эксмо», 2013 — (За чужими окнами)

Ее избыточный вес и невысокий рост дополняло крапленое веснушками круглое лицо. Ее называли Маняшей, и никто не верил, что это человеческое недоразумение, дожившее уже до тридцати трех лет, способно обрести женское счастье. Но как часто за неказистым на первый взгляд фасадом скрывается по-настоящему тонкая и прекрасная душа!.. И удивительно, что судьбе совсем не важно, кому вручить свои дары – дурнушке или красавице.

© Борисова А. В., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Рассказы	5
Игра	5
Шуба баская, с плеча барского	17
Эффект попутчика	21
Такое красивое солнце	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ариадна Борисова

Манечка, или Не спешите похудеть (сборник)

Рассказы

Игра

Впервые я встретил их на нашей детской площадке – двух одинаковых, под копирку, мальчиков и длинношеюю девочку, похожую на жирафенка, с золотыми брызгами конопушек на щеках. Нам тогда было по пять лет.

Я сначала удивился, потому что еще ни разу не видел близнецов и таких оранжевых девочек. Потом Катя (так ее звали) объяснила, что ее сделали из лучика солнца, ей об этом сказала мама. А мальчиков, сразу обоих, их мама выбрала в специальном магазине, где взрослые покупают детей. Катя была очень умная девочка и знала, что покупать оптом дешевле.

Я спросил:

– Вы видели волшебника?

Они замотали головами. И мы побежали смотреть сквозь щели в заборе частного двора на пса Чародея – ублюдка с благородным телом сенбернара на кривых бульдожьих окорочках. Я открыл ребятам страшный секрет – втайне лелеемую в сердце догадку о волшебнике, неведомо кем превращенном в уродливую собаку. Чародея выдавала не только кличка, но и особое выражение оттянутых книзу глаз, ярко одушевленных человеческой тоской. При виде чужаков они взблескивали красноватой влагой и о чем-то умоляли, хотя сам пес, хрипя и дергаясь на цепи, злобно лаял для конспирации.

Новые знакомцы поверили мне безоговорочно, отчего я утвердился в выдумке и неизменно вырос в собственных глазах.

Доверие, помноженное на благодарность, положило начало дружбе. Но вскоре я понял, что мне, не примечательному ни внешностью, ни талантами, – ничем, кроме безрассудно растраченной собачьей тайны, была отведена арьергардная роль. Роль скорее зрителя, нежели героя. Другой, может, принялся бы силком выдираться в лидеры или до поры оставил вызреть обиду, но меня, галерочника по характеру, это положение вполне устроило.

Как все великое и простое, Игра родилась внезапно, когда Катя вынесла во двор книгу «О здоровой и вкусной пище». Мы разглядывали картинки, и тот, кто первым тыкал пальцем в блюдо, успевая сказать «мое», получал право его «съесть». Пусть всего лишь зрительная, дегустиация доставляла массу удовольствия и будила воображение. Мы увлеклись и отправились к Кате домой. Найденные на полке подшивки старых журналов подарили нам вкусный ужин и вечер, облагороженный вещами «отличного, не китайского качества», – так говорила обычно моя мама, оправдываясь перед папой, если опять покупала что-нибудь ненужное у своих многочисленных подруг.

Насытившись всяческим изобилием сверх меры, Катя и близнецы благополучно забыли об Игре. Но не я. У меня этот разовый интерес превратился в любимое вечернее занятие. Понемногу он завладел мной настолько, что стал едва ли не главным смыслом бытия, оживившим примитивную повседневность сочными рекламными красками.

Я полюбил вещи. Я ласкал их внутренним зрением, оглаживал их края, углы, малейшие выступы; сквозь бумажные полиграфические покровы пальцы мои чувствовали сухое,

чуть пыльное дыхание материала. Я додумывал детали, находящиеся вне изображения, и, если обнаруживал предмет того же назначения красивее и лучше, «брал» его себе – правда не без сожаления расставаясь с прежним. Мои иллюзии казались мне существеннее реальности. Это было как сон, я мог управлять им, как хотел, свободнее, чем явью, и я жил в нем с наслаждением рабочего человека, наконец-то выбравшегося на хваленый всеми курорт к морю и солнцу. Гладко, как бильярдный шар в лузу, вошла в меня эволюция утилитарного мира, в котором все изменения происходили быстрее и эффективнее, чем в медлительном человеческом обществе. Меня приводило в восторг изобретение все более и более совершенных моделей, не имеющих ничего общего с теорией Дарвина.

Вначале я действовал беспорядочно, пока не сообразил, что мозгу будет легче, если привести приватизацию в систему. Мой тщательно отобранный и отсортированный багаж стал нуждаться в помещении. Строительство в уме комнаты, где вещи расставлялись и складывались по моему усмотрению, подняло мое частнособственническое сознание на новый уровень. Просмотрев картинки в журнале «Уют», я выбрал самую удобную и красивую мебель и «скачал» ее в память. Теперь у каждой вещи появилось свое место, что значительно облегчило работу воображения. Я и ночью без запинки ответил бы на вопрос, касающийся любой мелочи моего интерьера.

Метафизическая комната выросла вместе со мной. Незаметно она преобразилась в коттедж с гаражом, двором и садом. Вещи тоже росли: от резинового мяча к футбольному, от кубиков к игровой приставке, от велосипеда к машине. Перед сном я видел почти реальные очертания своего дома. Благодаря Игре память не только научилась цепко схватывать и держать в себе внешний вид множества предметов, но и сама додумывала и подсказывала сочетание расцветок, объем, запах, звук, тактильные особенности и функциональные свойства. Я мог играть в любое время, где бы ни находился и что бы ни делал.

Легкость приобретения вещей и зачаточные попытки умозрительного дизайна посеяли во мне первые семена социальных размышлений. Приглядываясь к тому, что стояло в квартире у нас, у соседей, я начал разделять людей по ступеням общественной лестницы. Фраза из разговора родителей об одном из знакомых «Он скрывает источники дохода» потрясла меня. Как всякому богачу, мне тоже было что скрывать, но в отличие от других нуворишей я мечтал в полной мере предьявить народу доказательства своей состоятельности. Я живо представлял, как налево и направо раздаю красивую одежду, телевизоры и даже машины. Жалко не было – меня обеспечивал неиссякаемый источник. Мысленно раздарив часть добра, я плакал от невозможности превратить одухотворенные мною блага в материальные.

Голова моя стала раскалываться. Истошился перенапрягшийся мозг, вынужденный без конца перетаскивать с места на место уйму тяжестей. Под глазами появились темные круги. Я заболел.

Врач в поликлинике прописал какие-то лекарства и посоветовал маме каждый день кормить меня яблоками, творогом и мясом. Мама вздохнула: «Постараемся...»

Я знал, почему она вздыхает. Отец уволился из проектного института несколько месяцев назад и никак не мог найти другую работу. Семья переживала голодные дни.

– Что ты все время усмехаешься? – спросила мама в дороге.

– Так, – уклонился я от ответа.

Она бы не поверила, что я ежедневно объедаюсь столькими вкусностями, сколько ей не купить на всю свою зарплату воспитательницы детского сада.

К школе я уже владел небольшим дворцом, и, хотя еще не умел считать до ста, количество хранимых памятью предметов давно перевалило за трехзначное число. Не было надобности вести инвентаризацию, я и так все помнил. Вместо того чтобы чертить дурацкие палочки и закорючки, я в одиночестве бродил по залам с мраморными колоннами, позаимствованным

из Словаря античности, среди роскоши иных эпох, принадлежащих ушедшим народам, и мне было хорошо.

В третьем классе нам задавали много стихов. Образное мышление оказалось для меня недоступным. Я с трудом воспринимал поэзию. Мое потребительское сознание не желало впускать в себя метафоры. В стихах все вставало с ног на голову, знакомое полотно мира рвалось в клочья, и наступал хаос.

Катя попыталась помочь. Она взяла мамин сборник Николая Гумилева, открыла наугад и прочла:

- Под покровом ярко-огненной листвы великаны жили, карлики и львы.
- Неправда, – возразил я.
- Так нужно, чтобы красиво было, – пояснила Катя.

Но я решительно не видел красоты в том, чтобы засовывать кого попало под прелые осенние листья! Красота каждого предмета имела определенное содержание, имя и место. Порядок – вот что было в ней главным. Великаны живут в сказках, карлики – в цирках, львы – в Африке, рыба плавает в реке, а облако в небе.

- ...вышла женщина с кошачьей головой, но в короне из литого серебра, – читала Катя.
- Хватит, – взмолился я, сытый под горло. Дикий хаос лез ко мне со всех сторон, густо храпя, сморкаясь во все углы и руша носорожьими копытами стройность моих композиций... Я испугался.

Ясность в проблему внесли близнецы.

- Представь, будто собираешься расставить все, как тебе нравится. Кончится стихотворение, и отправишь кого куда нужно.

У меня получилось.

После этого я понял, что мне одному не под силу содержать в порядке дворцовое убранство. Значит, нужны слуги.

Прежде чем браться за новую, человеческую, коллекцию, я осторожно выпросил кое о чем Катю и близнецов. Они много читали, а мой специфический интеллект, предпочитающий тексту фотографию, требовал разнообразия информации для четкого и отлаженного государственного строя. Меня уже не удовлетворяли застывшие снимки в журналах. Я принялся «выдирать» актеров из телевизионных сериалов. Мне хотелось знать, какие голоса, походки, жесты будут у моих гвардейцев и слуг. Напряженные часы перед экраном встревожили маму, и она запретила мне смотреть взрослые фильмы.

Приглядевшись к соседям, я испытал разочарование. Никто из них не подходил для идеального мира. Раньше мне в голову не приходило, как много вокруг некрасивых людей. Пришлось усложнить Игру, что стало началом самого увлекательного воображаемого собрания. Я брал приглянувшиеся мне фигуру, лицо, прическу, «вырезал» их у владельцев и складывал из этих частей нового человека.

Скоро я так преуспел в своих франкенштейновских опытах, что до мельчайших деталей запомнил и внешность «расчлененных» соседей, и красавцев, созданных мной из частей их тел. И этим не ограничился, становясь все придирчивее к своему не вполне естественному отбору. В ход пошли глаза, носы, подбородки, из которых в умственной анатомичке конструировались совершенные человеческие лица, не лишённые, впрочем, индивидуальности, поскольку не бывает ничего одинакового.

...кроме близнецов. В этом периоде Игры я «взял» их и Катю во дворец целиком, не разделяя на составные, потому что в них мне нравилось все.

Даже у жучков одного вида, приколотых булавками к альбомам для черчения во время короткого пристрастия к энтомологии, мы находили микроскопические различия. Близнецы же казались не просто похожими, а идентичными. Второй, младше на пятнадцать минут, был абсолютным дублем первого. Несмотря на склонность к практическому созерцанию, я в начале

нашего знакомства отличал их друг от друга лишь по некоторым приметам в одежде. Распутившийся шов на рукаве одного, отсутствие пуговички на воротнике другого временно помогали мне фиксировать разницу. Потом я заметил, что глаза Юры (старшего) чуть ближе к переносице, а у Димы левая сторона рта ниже правой. В характере Юры на капельку больше было гордости, смелости, хвастовства...

Обнаружение разницы в характерах близнецов послужило новой отправной точкой Игры: я начал собирать и группировать подробности поведения своих персонажей. Единственное, что мне не удавалось и никогда бы не удалось, так это их оживление. Они двигались только тогда, когда я вкладывал в них свою волю. Но большего я от них и не требовал, догадываясь, что отнимать у людей души – не моя привилегия.

Постепенно наши детские интересы покрылись флером отроческого реализма. Катя первой посвятила нас в специфику человеческой природы, о которой не принято говорить вслух. Перед Юрой и Димой открылась разгадка их однойцового зачатия. О многом мы были наслышаны и прежде, но теперь наши знания получили твердую теоретическую основу.

Катя рассказала о своем страхе. Она боялась чертовой дюжины. Число 13 в образе мохнатого монстра с хвостом приходило к ней во сне. Увидев где-нибудь чертову дюжину, Катя тут же лихорадочно начинала искать число крупнее и, если не находила, считала день неудачным. А еще она любила загадывать желания по одинаковым числам. Ложилась спать после 22:22. Желания иногда сбывались, но она не говорила какие.

У близнецов была другая фобия – высоты. Несколько необычная, если фобию вообще можно назвать обычной. Когда они стояли где-нибудь наверху, каждому из них хотелось сбросить вниз какой-нибудь увесистый предмет или человека, стоящего рядом. Мы с Катей относились к их странностям с уважением и долей опаски. Кроме того, у братьев имелась куча мелких причуд, связанных с их двойничеством.

И только я считался лишенным оригинальности. Немало страдая от этого, я чуть не проговорился о своем кошмаре – страхе кражи. Я подозревал, что на свете существуют виртуальные воры. Мне мерещилось, что мерзкие похитители неведомым образом пронюхали об имуществе, нажитом трудом моей памяти, и собираются сделать вылазку в драгоценный дворец. Но я ничего не сказал друзьям – отчасти потому, что не умел объяснить смысл Игры, а больше из боязни, что они будут надо мной смеяться. Я молча признал собственную заурядность.

Подшло время тестостеронового вулкана, извергшего из моей иммунной системы жуткую лаву прыщей. Голос вибрировал, пробуя себя на постановку по всей диагонали мутирующего нотного стана. Детский овал лица модифицировался, как под рукой невидимого скульптора, в угловато вылепленный подбородок. Ну, и главный знак качества мужчины ощутимо подрос и брутально оттопырил впереди мои джинсы. То же самое происходило с близнецами.

Если Катя обращалась ко мне, я отвечал, смущенно отводя взгляд. Все остальное время пялился на нее вовсю. Ее округлые коленки, бедра, талия, линии ее фигуры безукоризненной, классической чистоты, без идиотских поэтических изысков вроде девичьего стана, схваченного шелками и движущегося в туманном окне, сделали бы честь прекраснейшей из «миссок» мира. Нежно обрисованная водолазкой грудь приводила меня в обморочную оторопь. Пряди рыжих волос горячим костерком вились вокруг тонкого лица. На золотом поле веснушек вечерне цвели чуть раскосые глаза глубокого кофейного цвета. Я был готов, если бы Катя вдруг приказала, драться с близнецами до последней капли крови.

Их фигуры тоже напоминали античные скульптуры, но были легче, изящнее, а черты лиц, наоборот, резче и характернее. Нас всюду сопровождали восхищенные взгляды. Я, конечно, не принимал восторгов на свой счет. Внимание привлекала живописная троица, а я был обыкновенный и даже более серый на их фоне, чем всегда. Я привычно отходил на второй план. Но если бы братья знали, чем занимаются их эфирные двойники в моем абстрактном дворце! В

обязанность близнецам вменялась охрана алькова, пока я находился там с королевой. Понятно, кто она была.

Со временем ненужность моей персоны в квартете стала слишком очевидной. Ребята мной тяготились и едва терпели мое присутствие. Из-за многолетней привычки, из деликатности... ревности? Не знаю. Я-то от ревности просто умирал. Я стал вспыльчив, высокомерен и не в силах был уйти из-за Кати. Во мне проснулся дух соперничества, к тому же останавливало неистребимое любопытство наблюдателя. Я находил в нашем общении все новые нюансы, необходимые мне для усовершенствования Игры.

Ломая голову над тем, кому из близнецов Катя отдает предпочтение, я ни в смутных намеках, ни в шутливых перебранках не мог угадать ее выбора. Катя словно перестала различать братьев. Она больше не называла их по именам, ограничивалась безликостью местоимений. Близнецы то ли приняли перемены как должное, то ли просто были к ним равнодушны. Иногда мне казалось, что она из воспитательных или каких-то иных соображений относится к ним как к одному человеку. Но и Юра с Димой обращались с ней одинаково ровно. Это сбивало меня с толку, дарило бесплодные надежды и вызывало обидчивые метания.

Я уходил домой и закрывался в ванной комнате, чтобы никого не видеть. Только в частных владениях отмякало и расправлялось мое помятое самолюбие. Преданные слуги сочувствовали мне настолько, насколько я сам себя жалел. Искусные повара готовили мне знаменитый паштет «Сюзерен» из кулинарной книги самого Карлика Носа и яства с неведомыми трюфелями, каперсами, устрицами, круассонами (я тогда воображал, что это сорт огурцов, выведенных специально для королевских особ, то есть путал круассон с корнишонами). Оркестр музыкантов-виртуозов и оперные певцы услаждали мой слух отрывками из любимых эстрадных песен: «Прощай, цыганка Сэра, были твои губы сладкими, как вино...», «Мальчик едет в Тамбов, чики-чики-чики-чики-чики-та», и так далее. Сногсшибательные красавицы с глянцевого журнального обложки осыпали меня сумасшедшими ласками на эротичном диване в форме губ Мэй Уэст. Я прихватил его из папиного альбома с иллюстрациями Сальвадора Дали специально для таких мероприятий. Этот художник, похожий на Дон Кихота, знал толк в вещах, но был безнадежно чокнутый. Люди у него открывались ящичками, конечности росли в неположенных местах, вещи оплывали, ползли и текли, точно сопли.

Некоторое время я и о себе думал как о чокнутом. Потом где-то прочел, что признаки легкой шизофрении отмечены у сорока процентов людей, и успокоился. Я не имел привычки просчитывать в уме цифровые комбинации с уклоном в нумерологию, и желания столкнуть кого-нибудь с балкона у меня не возникало. А дворец... Кто знает, может, нечто подобное есть у каждого, только люди стесняются признаться.

Несмотря на то, что Игра стремительно устаревала, я цеплялся за нее изо всех сил. В иные моменты она была нужна мне, как единственное убежище от шквалов невнятного отчаяния, как одинокий приют, где я мог выпустить пары душевного и физиологического напряжения.

Учеба в выпускном классе (мы жили в соседних домах, но посещали разные школы) надолго отдалила меня от товарищей. Я часто видел Катю издали и несколько раз сталкивался с ней. Обычно она любезно справлялась о моих делах и, не дослушав ответа, спешила прочь. Близнецы, по слухам, были заняты поступлением в какой-то престижный институт, усиленно занимались спортом и где-то подрабатывали. У меня тоже не было проблем с карманными деньгами. Натренированная Игрой память проявилась техническими способностями. Я стал помогать то одному, то другому соседу с автомобильным ремонтом. Не безвозмездно, разумеется.

...И давно не посещал свой дворец, очень давно. Игру основательно потеснил настоящий, не сюрреалистический компьютер, приобретенный на скопленные деньги.

Мой уход вызвал в маленьком государстве землетрясение и цунами. Одна виртуальность легла на другую, и измена была предопределена. Правитель ушел в небытие, не оставив пре-

емника, и никто из аморфных подданных так и не выкрикнул здравицу новому властелину. Жаль. Они так долго верили в меня. Как в бога. Но случилось непредвиденное: бог перестал верить в них...

Весной я случайно встретил Катю и близнецов во дворе. Они притворились, что рады. Ну и пусть, я все равно счастлив был их видеть. Кажется, прелестная компания тусовалась здесь уже порядочное время. Носы у братьев покраснели, Катя притоптывала под скамейкой каблучками сапог. Я сел поодаль, ближе к своему подъезду. Мне было не холодно, но тело почему-то была крупная дрожь.

Внезапный апрельский снег быстро превратил в гравюры наши сумеречные силуэты. Приятели поинтересовались планами на будущее, коротко поделились своими и, отдав дань приличию, продолжили прерванный моим появлением разговор. Подняв ладонь вверх, Юра сказал, что в природе нет ничего совершеннее снежинок, потому что они симметричны.

– Значит ли это, что вы – совершенство человеческой природы? – усмехнулась Катя.

– Да, мы – улучшенная модель человека, – спокойно ответил Юра.

– Серии «Адам», – уточнил его брат.

– А женщина, по-вашему, не человек?

– Женщина – средство для воспроизведения и удовольствия. Хорошо перченный шашлык на ребрышке... Просто природа пока не изобрела другого способа создавать мужчин.

– А... любовь?

– Любви нет, – рассмеялся Юра. – Ее придумали как приманку для занятий сексом, чтобы романтизировать биологию оплодотворения.

– Ромео и Джульетта – тоже романтика биологии?

– О, этот вечный трагедь! – Юра закатил глаза к небу. – Нет ничего банальнее на свете, чем повесть...

Дима продолжил:

– Та же потеря хрустальной туфельки – романтическая интрига, в которую дочь лесника постаралась завлечь принца. На самом деле за сказочным сюжетом кроется элементарный расчет. Фея удружила родственнице не напрасно, все шло по плану. С чего бы иначе Золушка терпела неудобные туфли, натирающие ей пятки? Интересно, горный был хрусталь? Может, просто божественное стекло? А? Как думаешь?

– Думаю, что вы – дураки, – голос Кати звенел и подрагивал от холода. Или от ярости.

– Не обижайся! Мы тебя оба любим. Я люблю твою правую половину, а Димка – левую! – Дурачась, Юра кинул в Катю снежком.

– Вот как, – обронила она, резко отмахнувшись от этого замаскированного предложения переменить тему. – Выходит, женщина нужна мужчине только как естественное... как наиболее удобное приспособление для эякуляции?

Вопрос остался без ответа.

Я не стал вмешиваться. Мне было смешно: то, о чем они говорили, было глупым возрастным трепом, когда парни корчат из себя бывалых и тащатся от своей умности, а девушки не без упоения играют роль жертв. Сказать было нечего, да они и забыли о моем присутствии. Демонстративно, похоже.

Неуютная пауза после Катиных слов растянулась, умножая неловкость. За это время я сообразил, что слова тут ни при чем. Верхняя оболочка их разговора прикрывала что-то более интимное, о чем я не имел понятия. Я чувствовал себя прилипшим к замочной скважине мальчишкой, который подслушал то, что вовсе не предназначалось для его ушей. Нет, даже не мальчишкой, а кем-то еще мельче и ничтожнее, ведь разговор велся в моем присутствии так, будто меня не существовало здесь, во дворе, на улице и вообще в природе, на планете Земля.

Юра скатал новый снежок. Дима отвернулся и засвистел модный напев. Катя молчала.

Мне почудилось, что обстановка начинена взрывчаткой. Я решил удалиться по-английски, не прощаясь. Моего ухода никто не заметил. У всех троих был чрезвычайно занятой вид.

Свет в подъезде не горел, что дало возможность теперь уже с вполне определенной целью прильнуть ухом к дверной щели. Но напрасно я готовился к длительной засаде и старался максимально напрячь слух. До меня донеслось единственное слово, громко произнесенное Катей: «Пока». И они разошлись в разные стороны. То есть Катя в одну, а близнецы в другую.

Едва скрип их шагов стих, я выбежал и на цыпочках помчался за ней. Снег был рыхлым и мягким, но бессовестно взвизгивал под каблуками. Как я ни старался остаться незамеченным, она обернулась.

– Катя!

Шаг навстречу.

– Володя...

Ее дыхание было горячим, а губы холодными, как лед. Когда она увлекла меня к широкому подоконнику подъезда, мои руки на ее маленькой груди тряслись, будто в пляске святого Витта.

Я не мог расстегнуть ширинку, бормотал что-то бессмысленное и бессмысленно копошился, а Катя, кажется, помогала мне драть пуговицы с мясом... Все мои нервные окончания сконцентрировались между батареями отопления и подоконником... Этот подоконник, высокий и угловатый, торчал так неудобно...

У меня никогда не было поэтического слуха, но, честное слово, я больше не видел и не понимал ничего. В глазах вперемишку с красными осенними листьями бешено завертелись великаны, карлики, львы, женщины с кошачьими головами... Девичий стан, схваченный моими отнюдь не шелковыми лапищами, задвигался ритмично, как в танце, нанизывая Катю на меня... земной мир с космической быстротой полетел к чертовой матери счастливыми, блаженными до боли толчками... Я ощутил приближение смерти или рождения, или того и другого вместе, хотя так не может быть... не может быть... не бывает...

И все кончилось, когда Катя сказала:

– Все.

...В начале лета, еще до экзаменов, я выпил в гараже водки с приятелем Генкой. Он недавно вернулся из армии. Захотелось хлеба и зрелищ, и Генка сманил меня в ресторан. Мне, бывшему в таком шикарном месте впервые, заведение показалось апогеем респектабельности и блеска. Мы заказали бутылку «Абсолюта», минералку и мороженое.

За соседним столиком сидели бесхозные девушки. Одна из них, с веселыми ямочками на щеках, в наряде с отделкой из крашеных страусовых перьев, поглядывала на меня благосклонно. Вечер обещал не только негу во взоре.

Я давно не чувствовал себя так хорошо и расслабленно. Родители ушли в гости и должны были возвратиться поздно, я рассчитывал быть дома до их прихода. На мне красовался костюм-тройка, купленный к выпускному балу. Поглядывая на себя в зеркальный простенок, я нашел, что выгляжу недурно, повернулся к девушке с намерением начать знакомство... И замер, забыв обо всем.

За ближним к маленькой сцене столиком сидела Катя.

Она и – не она. Я ее такой никогда не видел: яркие волосы уложены по-новому, матово светящееся плечо перечеркивает тесемка черного бархатного платья, узкие лодыжки изящно обтянуты крест-накрест тонкими лакированными ремешками... Мое сердце застряло где-то между верхним ребром и адамовым яблоком.

Генка цокнул языком и вывел меня из ступора:

– Ты что, НЛО увидел?

– Женщину с кошачьей головой.

Приняв ответ за неприятную шутку, приятель хохотнул, довольный. Зазвучала азартная латиноамериканская музыка. Я развернулся так, чтобы лучше видеть сцену и Катю. Она меня не замечала, потому что смотрела вбок, за кулисы, и кому-то там корчила рожи. Через секунду я понял кому. Хотя, конечно, и так знал.

На сцену в нарастающем музыкальном торнадо вырвался материализованный смерч. В вихре рук, ног, сверкающего колеса мелькали напряженные в «чи-из» белоснежные улыбки близнецов.

«Снежинки... симметричны. Они – совершенство».

– Здешняя коронка, – объяснил Генка со снисходительностью экскурсовода. – Номер «Зеркало».

Бреда и зрелищ! Зрелище было завораживающим. Колесо распалось на две закрученные спиралями фигуры, настолько одинаковые, что выверенная до мизинцев синхронность заставила зал тихо ахнуть. Танцоры повернулись лицами к зрителям, и узор движений рассыпался по всей сцене, а спустя миг пружинистые тени полетели в противоположных направлениях. Когда же близнецы вновь повернулись лицом друг к другу, их вкрадчивая грация растворилась в таком каскаде зеркальных па, что мне смертельно захотелось кинуть что-нибудь тяжелое и вдребезги разбить одно из мастерски симитированных отражений.

Я слишком долго терпел начальственные замашки близнецов. Я так давно их ненавижу.

Машинально хлебнув из рюмки, я ослабил в сторону девушки с воротником из перьев, выдранных из хвоста нелетающей южной птицы, и вдруг понял, в чем измеряется терпение. Оно измеряется в рюмках. После энного количества выпитых рюмок терпение кончается. Я, по всей вероятности, приступил к завершению индивидуального подсчета.

Я смотрел на Катю, не отрываясь. А она, не отрываясь, смотрела на сцену. В этом, собственно, не было ничего удивительного. Братья владели вниманием всего зала. Я и не знал, что они умеют танцевать. ТАК танцевать. И снова задал себе мучительный вопрос, терзающий меня с тех пор, как не видел Катю: почему, когда я пришел к ней на второй день, она заплакала и сказала, что всегда меня презирала?..

Генка дернул за рукав:

– Не парься, Вовчик, эта рыжая – ихняя штучка. Говорят, оба пользуют.

Стало нечем дышать. Я рванул удавку галстука и потерял сразу и терпение, и сознание. Найдя последнее в какой-то момент, я обнаружил, что Генка с лицом, залитым кровью, дубасит меня в бога-душу-мать и орет благим матом. Оказалось, я стукнул приятеля по башке бутылкой «Абсолюта», хотя, будучи в автопилоте, совсем этого не помнил.

Я и дальше мало что помнил. В память запали только мудреные Генкины словообразования, возмутившие меня до глубины души. Ну, не люблю я грязи, и в словах не люблю. Поэтому я с силой двинул кулаком в воздух и попал во что-то мягко-упругое, с хрустким и одновременно сочным звуком подавшееся под костяшками пальцев. А после уже не было ничего. Бездна и вакуум. Остатки личного гомо сапиенса отrekliсь от меня самым предательским образом.

Сознание включилось дома в туалете. Я стоял на коленях перед унитазом и выхаркивал дыхалку вместе с уксусной эссенцией желудка. Мой выпускной костюм был испачкан кровью, за шею меня поддерживал один из близнецов. Спьяну я не разобрал, кто, Юра или Дима. На его (их) месте я бы воспользовался редким случаем близости моей шеи и сдавил бы ее так, чтобы блевотина застряла в ней навсегда. Мне ли было не знать: они меня тоже ненавидят.

– Поураганил, дурашка, – Дима (Юра) ласково усмехнулся.

Юра (Дима) бросил на стол ключи от квартиры:

– Извини, пришлось в карманах у тебя порыться, родителей-то дома нет.

«Какое счастье», – подумал я. Не о карманах, а о родителях.

– Генку не бойся, – это снова Юра (или все-таки Дима?), – он тебя не тронет, мы договорились.

Я дернулся:

– С чего это я буду его бояться?

– Ну, пока, – выдохнули они дуэтом и ушли.

Инцидент утрясся в сто раз лучше, чем ожидалось... Впрочем, как сказать. Может, в сто раз хуже.

На скуле скромно сиял не очень броский синяк, все остальные кровоподтеки и ссадины скрывала одежда. Едва я вышел из дома в магазин за хлебом к обеду, ко мне подступил человек, явно принимавший участие в нешуточных боях: голова перевязана, лицо опухшее, на переносье марлевая нашлепка.

Генка. Я сломал ему нос, чуть не пробил черепушку, а приятель смотрел на меня с подозрительным уважением. Даже с умилением, почудилось.

Нет, я, конечно, понимаю: человека, который тебя побил, тем более если ты – солдат, а он – пороха не нюхавший пацан, невольно начинаешь уважать. Но не до такой же степени. И потом, Генка мне тоже нанес приличные увечья. За грудь укусил, даже рубашка в том месте порвалась.

Сначала я в легком шоке решил, что он – садо-мазо или, не дай бог, гомик. Смазливый же на физиономию. За грудь почему-то укусил, не за руку, к примеру, и это его панибратское обращение – Вовчик, Вовчик... Я плохо знал Генку, мы заружились на ремонтной почве, но другом он мне не был. У меня после близнецов и Кати не было друзей, и вообще никогда не было. С Генкой мы беседовали по делу: амортизаторы, движок, карбюратор, прокачка. Не в армии ли его... Кто-то соскучился по любимой девушке, а Генка оказался на нее похожим как две капли воды, и...

Страшно чем-то довольный, он прервал мои гнусные измышления:

– Неплохо я за драчку срубил.

– Что... срубил?

– Бабло, – опешил Генка. – Друганы твои утром принесли.

– Какие друганы?

– Ну, которые в ресторане все уладили и нас развезли по домам.

– Кто «развезли»?! – Надеюсь неизвестно на что, я попытался оттянуть миг разоблачения.

Пусть не они, Боже, пусть кто угодно – черти, демоны, дьявол, но не они...

– Зеркалы, – растерянно хохотнул Генка. – Не помнишь?

– ...и что?

– Сестра у меня умница, как завопит: «Сейчас поедem в травмпункт! Засвидетельствуем избиение! Засудим вашего Вовку!» Или, значит, платите за физический и моральный ущерб. Пораскинули мозгами, пока она мне нос правила, благо что медичка. Парни не стали долго торговаться: хорошо-хорошо, простите, до свидания. Попросили не болтать никому. А нам и самим невыгодно. Но я думал, ты-то хоть знаешь... Деньги же! Деньги! Неужто правда – тебе не сказали?

– Сколько? – еле выдавил я.

Генка назвал сумму и восхищенно покрутил забинтованной головой:

– Вот интеллигенция хренова! Надо же, не сказали... Теперь в долг у папани возьму, еще сестра займет – обещала. Куплю себе тачку. Не поленился, съездил на авторынок. Присмотрел недорогой такой «субарик», торговец даже ста тысяч кэмэ не наездил.

Он отправил смачный харчок в банку, поставленную возле мусорного бака. Попал и приятно удивился:

– Чики-брыки! Не потерял снайперский навык.

Генка был оптимист и всегда чем-нибудь доволен. Об укусе сказал, что не помнит. Предположил, что пиджак вовремя распахнулся. Мы ударили по рукам и больше не встречались.

Я сдал кое-как отмытый от красноречивых пятен костюм в химчистку, там его привели в порядок, мама и не заметила. Выпускной вечер прошел неинтересно. Учителя и родители выступали, девчонки осторожно плакали, промокая платочками покрашенные ресницы. Шампанское, торт, конфеты. Потом взрослые ретировались на три часа. Ребята приволокли заранее припрятанный ящик пива и закусь. Танцевали, играли, обжимались по углам. В общем, все как всегда.

До поступления в политех я, как примерный сын, зубрил школьную программу по нужным предметам и подрабатывал – день, ночь, где и сколько мог. И, что мог, продавал. Загнал мопед, велик, компьютер, новые джинсы, альбомы с марками, книги, дискеты, – все, все до последних мелочей.

Мама изумлялась:

– Зачем тебе столько денег?

Я не говорил – зачем.

– Это же мои вещи, мам?

– Твои... Но ты стал какой-то... жадный.

– Жадный, – согласился я. – Я, мам, всегда был такой. Ты просто не замечала.

Сумма набралась перед отъездом. Я сунул деньги в конверт.

– Что ж ты раньше-то не пришел попрощаться? – спросила Галина Дмитриевна, мать близнецов. – Мальчики два дня назад уехали.

Вряд ли сыновья посвятили ее в ресторанный историю. Я накорябал на конверте фамилию и спустил его в почтовый ящик. Не знаю, что Галина Дмитриевна подумает, когда достанет... Мне было все равно.

Я вернул долг. Вернее, денежную часть долга. Оставалось другое, а это, как я подозревал, останется не оплаченным.

...Пока я учился, отец с мамой переехали в другой город. Дед скончался, бабушка отписала дяде Пете, папиному брату, старый дом в деревне и доживала вдовий век в квартире моих родителей. Я приехал к бабушке в отпуск спустя много лет.

Давно не видел родной дом, и сердце как-то странно екнуло. Сентиментальным становлюсь, что ли? В теплом августовском дворе под окнами все так же переплетались ветвями березы. Между двух штанг раздувалось и хлопало на ветру ослепительное белье – предмет немеркнувшего тщеславия соседки. Навстречу дню несло попури из звуков музыки, криков, хохота и птичьего щебета. На детской площадке по-прежнему возилась детвора. Взлетали к небу качели. На скамейке возле песочницы сидела женщина.

Катя? Нет, не она...

«Она», – подтвердил стук в висках. Веснушчатое лицо в солнечном ореоле, голубоватая тень в нежной впадинке ключиц, маленькая грудь с прохладной и атласной (я знал) на ощупь кожей...

– О, привет, – сказала Катя буднично, словно мы виделись вчера. – Как дела?

В безудержном порыве я без слов прижал ее к себе.

– Пусти, глупый, – вырываясь, засмеялась она.

Мы сели рядом. Я не мог отдышаться и откинулся на спинку скамьи, отдавшись на волю бешеному возврату памяти и чувств.

– Женат? – поинтересовалась она наконец.

– Нет.

Я в свою очередь вопросительно глянул на нее.

Катя отрицательно покачала головой:

– Одна. Точнее, не совсем одна... Но не замужем.

- А где близнецы?
- Юра в Москве. В ансамбле танцует. А Дима в Питере где-то.
- Мне казалось, вы трое неразлейвода.
- Катя пожала плечом.
- Тебе постоянно что-то казалось. Вы, мальчишки, все время играли. Они – друг в друга, ты – сам с собой.
- Меня огорошила ее пронизательность.
- А ты?
- Я не играла. Я просто жила.
- Даже тогда... в апреле?
- Тебе это тоже показалось.
- Снова помолчали.
- Помнишь соседского пса Чародея? – улыбнулась она. – Мы с близнецами тебя так называли.
- Чародеем?
- Ну да. Ты же был фантазер. Димка уверял, будто ты наполовину существуешь в другом мире, параллельном.
- Ты не сказала, чем Дима занимается в Питере, – заторопился я.
- Чем?... – Катя подняла прутик и нарисовала на песке сердце.
- Я повторил вопрос. Она вздохнула:
- На иглу подсел.
- На иглу?! – не поверил я. – Не может быть! Нет, ерунда, не может быть...
- Правда, Володя. Галина Дмитриевна совсем поседела. Белая-белая стала, увидишь.
- Юрка что, брата кинул? С ума спятил?
- Он боролся, но поздно узнал. Они поругались. Первый раз в жизни поссорились, и сразу крупно. Разъехались. Упрямые, ты ведь их знаешь. Теперь Дима завязывает, и опять... Замучил всех. Юра танцем живет. Без танца ему плохо. Вот как все невесело кончилось, Володя.
- Не кончилось, Кать, не говори так! Ничего не кончилось.
- Она махнула рукой в сторону детской площадки и неожиданно закричала с незнакомой мне хозяйской ноткой:
- Дети!
- Еще до того, как до меня дошло откровение произнесенного ею слова, я спросил:
- Кто отец?
- Не знаю, – беспечно ответила Катя. – Какая разница?
- Она встала и, передернувшись, характерным движением оправила собранный под коленями подол сарафана. С качелей к нам суматошливо мчались две совершенно одинаковые девочки в белых платьицах. Катя потянулась вперед руками, словно собираясь нырнуть, подхватила дочерей и глянула на меня умопомрачительными глазами цвета кофейных сумерек:
- Как тебе модель серии «Ева»?
- Девочки были рыжими. Солнце вспыхнуло пламенем на их кудряшках, перемешанных с волосами матери. Я подумал, что без изменений взял бы их в свой дворец. Нет, я бы построил им новый дворец, в миллион раз красивее прежнего!
- Класс, – сказал я.
- ...А я и построю. Мои предпринимательские усилия дают уже нехилые плоды. Всего за два года удалось прикупить помещение для гаража, «Шиномонтаж» работает вовсю. Вот-вот открою магазин запчастей, небольшой пока, есть на примете. Раскручусь!
- Мне захотелось подставить ладони рыжему огню. Я себя пересилил.
- Ты сделала то, что мне никогда не удавалось, королева. Они совершенство, и они живые.
- Что ты хочешь этим сказать?

Ее вопрос мячиком ударился в спину, но не остановил меня. Я побежал, чтобы побыть наедине с собой. Поцелую бабушку, распакую подарки и попрошу пока меня не беспокоить. Чаек с пирожными и разговорами подождут. Полежу в своей бывшей комнате на детской кровати.

Следует хорошенько обдумать поездку в Питер. Я буду не я, если не вытащу Димку из этой бездны. Из беды. Я его вытащу, даже если он не захочет. Даже если придется уничтожить всех его дружков-наркоманов. Зря, что ли, я – Чародей?! Бизнес, магазин, дворец – потом, потом. Впереди целая жизнь. Она только начинается.

Шуба баская, с плеча барского

Бабке стукнуло девяносто лет, а зубы ее, сточенные временем, не знали кариеса и теперь больно ранили сухие белесые десны. Два года назад ей удалили аппендицит. Это была единственная операция в ее жизни, если не считать далеких, прошедших без вмешательства извне двенадцати родов и бесчисленных выкидышей.

Полдня бабка проводила перед бумажной иконкой Николая Чудотворца и по причине глухоты молилась громко, во всеуслышание. Испрашивала для несметных родственников здоровья и благополучия, перебирая имена не вразброд, не по возрасту и чину, а в своем собственном порядке, установленном по степени родства. Старуха держала у себя в голове все густо разросшееся генеалогическое древо до последней его веточки, помнила всю, даже не кровную, родню, разбредшуюся на пол-России. В остальном же бабкина память страдала дальноростью: минувшее виделось четко, а сегодняшнее, едва мелькнув, покрывалось беспросветным туманом.

Мыть свою комнату бабка никому не доверяла. Раз в неделю сама ползала по полу с лоскутом фланели, потихоньку двигала тазик с водой, и, когда умудрялась подняться, не чуя ни поясницы, ни ног, слышался сухой треск обветшалой коленной конструкции. Каждый раз домочадцы недоумевали по поводу старухиного упорства в стремлении добиться праздничного блеска от крашенных незатейливой охрой половиц – проявление столь героических усилий для достижения столь ничтожной цели.

По субботам правнучка с мужем и пятилетним сыном шли мыться в центр городка в баню. Бабка оставалась с младшим праправнуком и дребезжащим фальцетом пела над его кроваткой фривольные частушки своей молодости. Ребенок слушал с большим вниманием, демонстрировал няньке четыре новехоньких зубика – кость от кости ее – и пускал пузыри.

По возвращении правнучка, блестя лубочно-лаковыми, до скрипа оттертыми щеками, ставила цинковую ванну на два крепких табурета возле натопленной печи и купала маленького. Потом в той же ванне, зачерпывая кружкой и обливая себя горячей водой из ведра на плите, отмокала старуха. Согбенная спина ее белела неожиданно матово и по-молодому гладко. Живот, познавший внушительную долю женских тягот, пребывал в последней стадии дряблости. Высохшие, когда-то богатые молочным продуктом груди стлались тощими тряпицами чуть не до колен. Правнучка оттягивала эти длинные кожаные тряпицы во всю длину и прилежно скребла по очереди их внешнюю сторону. Затем закидывала для удобства на бабкины плечи и драила нижнюю.

После мытья старуха сушила у огня вспыхивающие серебром паутинные пряди, навеки забывшие свой первоначальный искрасна-каштановый цвет и объем. До того как заплести их в обнищавшую косичку, просила поискать вшей:

– У всех досельных баб воши были, а я у себя сроду не имала. У кого их в волосьях нету, у тех они внутрих вместе с гнидками в голове копошатся, а к смерти вылазют. Ежели хоть одну сымашь – стало быть, скоро к моим отойду.

Бабка упрямо не желала менять раз и навсегда принятую душой речь. Вместо «любить» говорила «жалеть», вместо «ловить» – «имать», новорожденного ребенка считала «красным», а все красивое – «баским». «Моими» называла четверых мужей, с которыми в определенное судьбой время жила, от которых рожала и вдовела.

Мужья, по слухам, были на диво спокойные. Про бабку же болтали, что слыла в молодости бой-бабой и красавицей. Погулять любила всласть и между многочисленным бременем от законных чужому бедовому мужику могла вскружить голову до беспамятства. Рассказывали, что имелся у нее обычай на праздники посадить парней и девок в звонкую двухрессорную линейку с медными колокольцами под дугой, запряженную парой игручих мышастых третья-

ков. Лихо свистнув, тогда еще пышная яркоглазая молодайка, она пускала их с ходу в галоп, сама стояла с кнутом на облучке в бесстыдно развевающихся юбках. Роняя натертую шлеями пену, лошади носились из конца в конец городка, и то там, то здесь с гиканьем увязывалась за веселым экипажем вездесущая ребятня в надежде на сласти и кумачовые ленты с конских грив.

Правнучка не унаследовала бабкиного бесшабашного пыла. Ей от родоначальницы достались глаза грозowego небесного колера и странная особенность сутками спать в тяжкое время неприятностей и скорбей. Иной раз правнучка, проснувшись среди ночи, ловила себя на желании спеть. Так бы и пела, пела бы до утра тревожным волнистым голосом. Тоже, верно, была наследная причуда, ведь и отец, внук бабкин, нет-нет да пугал домашних ночью душу рвущими ямщицкими песнями...

Заподозрить старуху сейчас в каких-либо неистовствах было сложно. Прежние страсти оскудели в ней до мелочной ругани с праправнуком да пакостей, из-за коих не хотели ее брать к себе ни дочери, ни внуки. Поэтому жила у правнучки, покуда могла качать маленького.

Правнучка ловила бабу на обтирании ночного горшка общим полотенцем для рук и сурово ей выговаривала. Та прикидывалась дурочкой. Инстинктивно прикрывая виновато дрожжащую голову, часто моргала невинными глазками и клялась, что по слабости зрения перепутала полотенце с бросовой тряпкой. Однажды во время поста – старуха строго его соблюдала – она украдкой плюнула в кастрюлю, полную только что приготовленного жаркого. Вновь застав на вредительстве, правнучка в великой досаде легонько тукнула-таки пакостницу пальцем по лбу.

Пес Глупыш в этот день чуть не рехнулся от счастья и хозяйских щедрот. Блаженная бабка, не подозревая о том, что посвящает в свои интимные отношения с Богом весь домишко, как хорошего знакомого, уговаривала Всевышнего не наказывать правнучку за безверие, а семью – за скромные паужины.

За столом правнучка, с большим раскаянием в сердце пытаясь загладить вину, завела разговор о былом. Старуха охотно откликнулась. Посасывая размоченные в пустом кипятке сухари, со вкусом рассказала древнюю сплетню, давно обретшую гордый статус истории, и вспомнила своих ушедших.

– Сенечка с Васяткой красные представились, ишло месяца не было имям, а Лешенька, почитай, сразу помер.

Из всех двенадцати рожденных детей она до сих пор выделяла пятого по счету, самого красивого ребенка – нежного, златокудрого, похожего на рисованного богомазами херувима. Но, видно, оттого и было такое сходство, что не жилец на белом свете оказался малыш. Дурковатый соседский мальчишка, обожавший прелестное двухлетнее дитя, взял его с собой погулять в весеннем дворе. Только вышли – рухнула трехрядная поленница, сложенная накануне для сушки... Мать выкопала из-под дров раздавленное тельце, комком холодеющей плоти обмякшее в руках, убежала со страшной ношей в тайгу и скрывалась там, безумная, надеясь вдохнуть жизнь в погибшее свое сокровище. Искали несколько дней. Уже думали, сгинула с горя, как вернулась, темная ликом, с начавшим разлагаться трупиком. После похорон проспала почти неделю и громко пела ночами.

– Ой, матушка (матушками бабка называла всех женщин), как поняла головой-то, што смертенький, будто и я с жизнью распростилася. Грех самой к могиле рядить, а все одно никому не дозволила, обмыла его, обкричала, сама гробик украсила...

Правнучка поторопилась отвлечь от тяжелых воспоминаний:

– Бабушка, после-то у вас еще детки были?

– Были, как не быть! Случалось, до сроку дите выпадало, ежели чего тяжелого подымешь, а так рожашь и рожашь без конца. Я сама-то из последышей, пятнадцатая. Наша семья казацкая, приежая с Дону, фамилия тятина – Донской. Прадед его был оттедова или, может, ишло

ранешние. Сибирь здоровущая, порастерялися все. Доведется Донских встренуть, знай: сродственница ты имям.

– Бабушка, а кого вы больше всех любили... из мужей? – пытала правнучка, невольно затаив дыхание.

– Пуще всех – Веничку жалела. Повадно мне было с им. Я-то уж шибко в летах ходила, а он младешенек, за двадцать тока. Баской, глаза поволочны, волосы кучерявы, девки иззавидовались. Молод, да плотник, дитям моим все норовил помочь, с внуками игрался, меня спервоначалу до тяжелой работы не допускал. Опосля сам, болезнай, с чахотки сгорел. Хоть мало пожили, да славно. Спустимся, бывало, на берег, река под домом туточки, сядем в ветку, на небо обое глядим...

– На дереве, что ли, сидели? – удивилась правнучка.

– Да како тако дерево, како тако! – сердито завохотала бабка. – Лодка махонька – «ветка» по имени. Плыдем по забережью, глядим на небо-то. Звездочка упадет – человек родился. Две звездочки – враз двойнята, а мы рады! Он к сердцу меня прижмет и всяки жалостны слова говорит, говорит... Я слушаю – гармонь в душе!

– А какие слова?

– По-всякому голубил: зорюшка моя, пташечка, курочка...

Вертевшийся рядом праправнук захохотал:

– Бабка – курица, бабка – курица!

Старуха обиженно умолкла. Отрешенно вытаращилась в окно на синеющие холмы и медленно, тихо посветлела лицом, будто ее вылинявшим глазам удалось высмотреть неведомые, возвращенные сердобольной памятью дали.

Правнучка отогнала сына. Погладила, ластясь, пергаментную, усеянную ржавью бабкину руку:

– Вы у нас, бабушка, красавица. Беленькая, чистенькая, как курочка...

Вдохновленная поддержкой, бабка азартно закричала в раскрытую створку окна выбежавшему праправнуку:

– Сам петух! Голопузый, лупоглазый петух, петух!

Отомстив, откинулась в кресле, довольная, и снисходительно вздохнула:

– Малой, што с его возьмешь...

– Бабушка, а правда, что вы революционера Нестора Каландаришвили видели?

– И-и-и... Видала. Я в тую пору вдовела опосля Тимоши-то. Тимоша купец был, дом большой, богатый – шкапы резные, самовары тульские, в сундуках шубы, тулупы, шапки ни по разу не надеванные. А в ихнем ревкоме печка сломата, на стенах куржак. Не схотели туды и у меня остановились. Ели много, вино дули. Ничего мое не трогали, врать не буду, не забижали. От тока с шубой худо вышло. Морозы выдались, а у его, Нестора-то, суконка да кожанка. Мне грустно, шо он мерзнет. Достала с сундука шубу Тимошину, баская шуба, рысья. Нестор расписку дал, обещал опосля вернуть и сгинул. Куды – никто не ведат. Расписка евонная у меня до-олго под скатеркой лежала, а в войну запропастилася.

Свободные для рассказов часы выдавались редко, занятая детьми и хозяйством правнучка к вечеру выматывалась и падала с ног.

К осени бабка почувствовала себя плохо и все чаще просила поискать в волосах вшей. По ее словам, «до смерти боялась смерти». Кто знает, какие грехи томили изжитую, глубокой памятью источенную душу? Все чаще бессмысленным становился взгляд, бумажнее кожа на серпастой спине, все хуже помнила бабка события текущего времени...

В кинотеатре крутили фильм о Несторе Каландаришвили под названием «Сибирский дед», правнучка с мужем решили встряхнуть угасающие бабкины чувства. Сосед для такого случая подкатил «Москвича», подружка согласилась приглядеть за маленьким. Старуха заволновалась, не понимая, чего от нее хотят и куда собираются везти. Озираясь затравленно, с

опаской влезла в машину. Кинотеатр, видимо, напомнил бабке церковь, нерабочую в городке по советскому времени, – истово закрестилась в фойе, поклонилась портрету Брежнева.

Взяли билеты в первый ряд. К разочарованию молодых, ленту старуха смотрела без интереса. На середине фильма вдруг оскалилась, зевнула и, казалось, собралась задремать. А действие на экране разворачивалось все увлекательнее. Сибирский дед лихо скакал на коне, хохотал хищно, зубасто, супя угольные брови. Яростно сверкали под солнцем снятые на Волге ленские снега, дымились палящие ружья, блуждающим костром возгоралась рыжая доха Нестора...

Проснувшись в какое-то мгновение, бабка ухватила из зрелища то, чего ждала, о чем вспоминала долгие годы. Резво подпрыгнула и, шишковатым пальцем грозя легендарному знакомцу, завопила тоненько и визгливо:

– Расписку писал, вахлак, шубу вертай!

Народ зашикал, кто-то потянул скандальную зрительницу за хлястик пальто, она отмахнулась, как от назойливой мухи, и снова заверещала:

– Шубу вертай, эгей! Тимошина шуба-то!

Сколько правнучка ни совестила, сама едва от стыда не плача, даже ущипнула бабку за руку, та не унималась. Пришлось срочно выйти из зала под возмущенный гомон и смех.

Старуха и дома не могла успокоиться, призывала всех в свидетели и возбужденно потрясала мосластым кулачком:

– Ох, я имям! Видали, а?! Ездют, шубу мою не сымают!

Ворчала во время вечерней молитвы, жаловалась Богу. Беспокойно ворочаясь ночью во сне, вскрикивала: «Тимошина шуба-то!» Под утро пискляво пропела: «Шуба баска-ая, с плеча барско-ого...» и стихла.

На следующий день бабка была молчаливее обычного, пока в пух и прах не разругалась с праправнуком. Не поделили территорию возле печного бока, где мальчишка затеял пластмассовую войнушку, а старуха хотела мирно погреть колени, сидя в кресле.

Потом она снова возилась с фланелькой и тазиком, не разрешая мыть в своей комнате, качала маленького и тихо пакостила...

Никто не узнал, появились ли у нее перед смертью вши. Смерть, которой бабка так боялась, нашла ее через три года в доме инвалидов, когда один из разбушевавшихся кретинов вырвался из рук санитаров, заскочил в старушечью палату и разорвал в клочья висящую над тумбочкой иконку Николая Чудотворца.

Правнучка после похорон спала непривычно много и плохо. Просыпаясь среди ночи, плакала, корила себя за то, что подчинилась мужу и не оставила бабку. Зная вину за собой, он молча терпел тревожные, волнистые песни жены, похожие на страстные мольбы. Она доверчиво полагала, что поет негромко и муж под эту колыбельную спит крепче.

Правнучка пела о бабке. Просила о том, чтобы новопреставленная счастливо встретилась со всеми своими мужьями и ушедшими детьми и была бы наконец прощена тем, к кому грешная, пылкая, любящая душа ее стремилась в молитвах обо всей огромной родне, оставшейся на этом свете.

Эффект попутчика

Раз в полгода по непонятным причинам Соня вызывала в памяти детали той памятной ночи и переживала мощный спазм отвращения к своему благополучию, выложенному по жизни гладко пригнанными пазлами. Потом короткое замыкание проходило, оставался лишь смутный дискомфорт от мысли, что даже происходившие тогда в государстве постперестроечные события с их голодным безденежьем не произвели в крови химической реакции такой силы, как единственная случайная житейская встреча. Это она вызывала в Соне рецидивное чувство зависти и непонятно почему – вины.

...Аэропорт гудел и вибрировал, словно гигантский шмель перед полетом. Но никто никуда не летел. На улице за стеклянными стенами, вопреки оптимистичным прогнозам, второй день бесновалась необычная для последней мартовской недели выюга. Рейсы откладывались один за другим. Соне удалось захватить кресло в зале ожидания, и теперь она старательно избегала взглядом ближний угол, забитый спящими на чемоданах людьми.

На площадке перед коммерческим киоском паслись дети. Предоставленный себе маленький народ облепил витрины, разглядывая новоприбывший сквозь кордоны набор международных сладостей. Они были невероятно дорогими, и лишь одна из мам купила дочке толстый шоколадный батончик. Противная девчонка нарочно вышла на середину открытого пятачка и долго возилась с оберткой. До содержимого еще не добралась, а уже вовсю вкушала приторное счастье превосходства. Дети молча созерцали эту демонстрацию и, пока обладательница ела свое сладкое чудо, чего-то ждали. И она ждала. Один карапуз не выдержал, дернул за рукав дремавшую мать и заканючил:

– Ма-ам, купи «Сникелс»...

Родительница открыла глаза, оценила ситуацию. С ненавистью взглянув на испачканную шоколадом лакомку, выместила на сыне:

– Денег нету, отвянь.

Малыш тихо заплакал.

Сластена наконец покончила с батончиком и вместе с другими снова припала к стеклу киоска. «Не наелась», – язвительно подумала Соня и вдруг поняла, что было причиной пристального детского внимания: на полке позади взбитой «химии» продавщицы возвышалась кукла. Не какая-нибудь Барби, недавно вошедшая в моду у российских девочек, с личиком олигофрена и трафаретными признаками пола, а великолепный штучный экземпляр – большая, с полметра, коллекционная модель индианки. Кукла улыбалась пугающе осмысленным лицом, кожа казалась натуральной – в нежных переходах румянца и загара по природной смуглоте. Оторопь брала от мистической иллюзии естественности – настоящая маленькая женщина! В ушках посверкивали круглые латунные серьги, на ручках – браслеты, по краю золотистого сари вился узор ручной вышивки. Впечатление портил только приколотый к наряду грубый ценник. Выведенное фломастером число на нем потрясало обилием олимпийских колец.

Место кукле было в специализированном бутике, она бы и там выделялась. Соня подивилась явлению жар-птицы в занюханном портовом киоске, прикинула: жалованье за месяц и неделю. Сонины получка подтверждала среднюю в стране зарплату по статистическим данным, всегда завышенным на треть. Вряд ли кто-то из изнывающих в ожидании пассажиров, чей помятый вид не отвечал и средней статистике, рискнул бы выбросить на дорогой сувенир предложенную сумму... Тотчас же к киоску подбежала черноглазая девочка лет пяти в красном кашемировом пальтишке. Дети расступились – в руке она держала свернутую пачку денег. Подтянувшись на цыпочках к прилавку, девочка протянула деньги продавщице. Та сняла индианку с полки, отцепила ценник и кинула полный удивления взор на кого-то поверх детских голов.

Прижав к груди великоватую для нее куклу, кроха гордо прошествовала к своему месту. Олимпийская аура совсем не игрушечной стоимости все еще витала над девчушкой гаснущими воздушными шарами. Слыша шумные вздохи давешней сладкоежки, Соня испытала прилив мстительного удовлетворения и поразилась собственным переживаниям по столь ничтожному поводу. Смеясь над собой, не смогла тем не менее противостоять и любопытству – повернулась туда, где на заднем ряду, расположенном через проход, сидела состоятельная мать черноглазки.

...Ага, дешевый синтепоновый плащик, изношенные полусапожки, затяжка на эластике колготок прокапана розовым лаком для ногтей – молодая женщина вовсе не выглядела богачкой. Лицо с классическими «египетскими» чертами обрамляли пышные выющиеся волосы, отчего оно, и без того тонкое, казалось уже и меньше. Густо затененные ресницами глаза, избыточные для монголоидного типа лиц, прямо-таки излучали материнское обожание. Если б какому-нибудь художнику пришлось в голову изобразить азиатскую мадонну, она бы, наверное, выглядела примерно так же.

Девочка с благоговением тронула пальчиком круглое коричневое пятнышко на лбу индианки.

- Мама, что это?
- Третий глаз, солнышко.
- Разве у людей бывает третий глаз?
- Бывает. Но его не видно.
- А у кукол видно, – понативно кивнула девочка. – Как мы ее назовем?

Женщина не успела ответить. С потолка на зал обрушился металлический голос дежурной вещательницы. Ожидющие дружно замерли, в едином порыве приподняв головы. Дикторша отчеканила сообщение о переносе всех вылетов на следующий день и, некрасиво булькнув, отключилась. Аэропорт загудел с новой активностью. Часть несостоявшихся пассажиров ринулась к выходу навстречу последнему городскому автобусу, остальные вольготнее устраивались в освобожденных креслах. Соня отругала себя за то, что не дала взятку в авиакассе. Сунула бы кассирше в лапу и улетела предыдущим рейсом еще вчера утром... Вот невезуха, опять придется ночь здесь куковать. Ребячий бег и галдеж, спертый воздух, пропитанный запахами киснувшей еды и пота, мужские ботинки под креслами, – все окружающее начало сильнее раздражать Соню.

- Мама, а мы тут ночевать будем? – услышала она голос девочки.
- Посмотрим, может, в гостинице найдется койка для нас, – ответила женщина.
- Хотите, места постерегу на всякий случай? – предложила приветливая старушка-соседка.
- Спасибо, – поблагодарила женщина и засобиралась.

Прикорнув на кресле боком, Соня краем глаза наблюдала, как девочка кутает куклу в полосатый шарфик. На хорошеньком личике, точно в зеркале, отразилась заботливость ее матери, а мать, улыбаясь, стояла с двумя объемистыми сумками в руках и терпеливо ждала.

«Сашка – эгоист, – с внезапной неприязнью подумала Соня о муже, – поэтому не хочет иметь детей». И сама же принялась его оправдывать: да кому сейчас нужны дети? Пеленки, соски, вороватые няньки, отставка кандидатской на неопределенный срок, Саше с докторской придется трудно...

Соня оставила на сиденье книжку – знак присутствия, – и вышла на улицу покурить. Постояла на крыльце, наслаждаясь морозно-огуречной свежестью шквальных порывов, бьющих в лицо, и вдруг стала свидетельницей такой ошеломительной метаморфозы, что едва поверила глазам: будто в насмешку над синоптиками, выюга без всякого перехода перешла в тишайший снегопад. Нынешняя весна явно страдала раздвоением личности. Расположение духа у сумасшедшего марта круто поменялось – снежный барс, распутивший по ветру когтистые лапы, обернулся пушистым котенком.

Досады как не бывало. Соскучившись по движению, Соня прогулялась по дорожке заметной аллеи. Когда она энергично шагала между сугробами, в небо втянулось, не долетев до земли, последнее кружево обнищавшего снегопада.

Соня представила мужа в толпе встречающих. Он смотрел из синевы аллеи, наклонив лобастую голову в серой кепке и лукаво шуря глаза за цветочным букетом, как всегда после разлуки. Потом, тоже как всегда, щекоча в такси Сонину шею жесткими усами, замурлычет нарочито страстным шепотом: «С кем? Когда? Скажи, он правда лучше? Если честно признаешься, солнце, прощение вполне возможно...»

Саша не был ревнив, просто играл. Соня вздохнула: день и ночь маленького праздника, торт, свечи, возвращение к теплу родного тела. Надежда новизны всколыхнется одновременно с воспоминанием о том первом, невозвратимом, с жарким приливом крови к каждой клеточке, к кончикам пальцев, исследующих упругую плоть, весь телесный дом в блаженной путанице – где, что, чье... И опять – будни, загон в ступор работы, тупое бдение в магазинных очередях, вечера за столом в кипах драгоценных экспедиционных записей...

Соня вернулась в зал и обнаружила вместо своей книжки вальяжно развалившегося молодого человека.

– Вона, туда положил, – кивнул он подбородком куда-то назад и вбок, – вам же все равно, где сидеть, раз читаете? А мне отсюда телевизор лучше видно, сейчас футбол начнется.

Футбол Соне действительно не был нужен, и она не возразила. Книжка лежала на кресле возле «мадонны». Очевидно, в комнате матери и ребенка не нашлось свободных мест. Женщина подняла подлокотники кресел и соорудила на двух сиденьях подобие постели. Девочка, прикрытая пуховой шалью, уже спала в объятиях куклы.

Соня спросила: «Занято?» – получила отрицательный ответ и, приткнув под голову шапку, храбро попыталась вздремнуть. Для этого требовались усилия: в подвешенном к стене телевизоре разгорелись футбольные баталии, компания парней напротив встречала голы адскими воплями, два мальчика устроили рядом на полу рычащие автомобильные гонки... Ах, эти неугомонные мужчины!

Подаренное переменой погоды настроение понемногу таяло. Но все же как-то незаметно, исподволь гомон суетного мира благостно отодвинулся, отдалился... и приблизился вновь: старушка, предлагавшая женщине с девочкой покараулить места, потрясла Соню за локоть:

– Скажите, пожалуйста, как называется самая популярная индийская киностудия?

– А? Что? Какая киностудия? – встрепенулась Соня.

– Ой, я вас разбудила, – конфузливо улыбнулась старушка, распустив по лицу веселое соцветие морщинок. – Думала, никто не способен спать при таком шуме...

– Вы сказали – киностудия?

– Я тут кроссворд разгадываю, – высунулся из-за старушки крепенький старик-боровичок. – Споткнулся на вопросе про индийскую киностудию, попросил жену у вас поинтересоваться. Извините...

Соня пожала плечами:

– Увы, не знаю.

– Болливуд, – подсказала мать девочки.

– Премного благодарю, – обрадовался старик.

– Правда? – удивилась Соня. – Голливуд, как в Америке?

– Б – Болливуд, – поправила женщина. – Я интересовалась, как снимают индийские фильмы, а то бы тоже не знала. Они мне нравятся из-за хеппи-энда. – Голос ее оказался неожиданно контрольным, с особенкой почти до шепота закруглять окончания.

– Кукла ваша, гляжу, индианочка, – уважительно заметила старушка.

– На Анупаму походит. Был такой фильм – «Анупама».

– У вас волосы как у той актрисы, – вспомнила Соня и дрогнула на полуслове: – Толь... ко прическа другая.

Болезненная усмешка скривила лицо женщины. Крупные глаза блеснули, точно виноград карабурну, сизоватым от черноты отливом. «Карá», «харá» – «черный» с тюркского, «харáх» по-якутски – глаза...

– Я не могу позволить себе другие прически, – с холодной резкостью проговорила она.

– Почему? – Соня не успела обидеться или подумать, что это ее не касается, просто спросила.

– Так получилось.

Женщина о чем-то задумалась. Вынула из сумки пачку «Интера», машинально поднесла сигарету к губам и очнулась. Смятая сигарета полетела в урну у окна.

– Вы курите?

«Внимательная», – подумала Соня. Из уголка ее недозастегнутой сумочки выглядывал коробок спичек.

– Может, пойдем? – Женщина встала.

Улыбчивая пара кроссвордистов согласилась присмотреть за девочкой.

На аллее стволы деревьев за границей света уходили в чернильную темь. Ближе на дорожке, раскинув руки с растопыренными пальцами, лежали худые негры-тени. Присыпанный снегом угол с приступкой с другой стороны здания прикидывался белым роялем. Женщина молча курила, пристально глядя на этот воображаемый рояль, и все не начинала свой рассказ. В том, что он будет, Соня не сомневалась.

...С ней часто заводили разговоры о личном. Саша сказал однажды: «Если душа материальна, то твою душеньку, солнце, я представляю в виде мокрой жилетки» и, вспомнив известную писательскую «жилетку», повторил расхожий парадокс: «Человек – это звучит горько...»

Она и сама смешливо думала, что была в прошлой жизни священником. Подруги приходили к Соне на исповедь, поругавшись с мужьями. Поссорившиеся с женами друзья обрывали Сонин телефон, требуя совета. Мама спрашивала, чем лечить гриппы и ангины отца. Сестрица, обзаведясь сынишкой, звонила по любому пустяку, хотя прекрасно знала, что Соня и дети – две вещи несовместные. Маленькие чужие бедствия плыли, плыли и как-то нечаянно, бесследно растворялись в сумеречной реке жизни, счастливо обтекающей благополучный со всех сторон дом Сони. Но тут, с незнакомой женщиной, было нечто другое. «Эффект попутчика» – кажется, так называются подобные эпизоды в психологии, с неосознанным притязанием на возможность душевного исцеления.

Мерзлая скамья быстро вытянула тепло из Сониного тела. В душе-жилетке закопошились туманные подозрения, и стало не по себе. Желчно подумалось: на лице у меня написана, что ли, готовность помочь каждому? Нормальная ли эта случайная попутчица с плодово-ягодными глазами? Вот уж никогда не замечала раньше, что виноград смотрится трагично! «Ну, говори», – томила Соня.

Женщина наконец откинулась на спинку скамьи, взглянула на соседку и вздрогнула – едва не отшатнулась. «Забыла, что не одна», – догадалась Соня. Встать, светски кивнуть и уйти, как больше всего хотелось, она почему-то не осмелилась.

– Простите, запятовала, что вы здесь, – сказала женщина и невпопад, запоздало назвалась: – Мария.

Ей очень подходило это библейское имя. Соня поняла: не отвертеться, – и только собралась назвать свое имя, как Мария предвосхитила ответ:

– А вы – Софья Семенова.

– Да, – растерялась Соня, – Семенова – моя девичья фамилия. Откуда вы знаете?

– Я встречала вас когда-то. Давно... Неважно. Вы спросили, почему я ношу эту прическу...

Глубоко вдохнув, – с таким вдохом бросаются в воду, – женщина молниеносным движением откинула левую прядь, и при свете фонаря...

Боже, кошмар! Кошмар! Соня еле подавила крик, узрев вместо аккуратной ушной раковины жуткий рубец с темной дыркой посередине. Рвано змеящийся свежий шрам какого-то непристойного перламутрово-розового цвета пересекал висок.

В глазах, почудившихся теперь Соне провалами черного безумия, дико метались фонарные огни. Женщина больно схватила за руку:

– Это ведь уродливо, да? Это страшно?

– Нет, нет... – Испытывая на самом деле ужас, Соня тихонько выдирает руку из цепких пальцев и изо всех сил старалась сделать вид, что увиденное не произвело на нее особого впечатления.

– А вообще-то мне плевать, что люди подумают. Не для них живу, для дочки. – Женщина отпустила Сонино запястье.

...Во-первых, надо взять себя в руки. Во-вторых, успокоить эту психопатку. Может, как бы ненароком посмотреть на часы, зевнуть, зябко ежась? Ночь же на дворе, холод. Девочка на чужом попечении, вдруг проснулась... Или все-таки выслушать? Сложно, когда чувствуешь тягостное беспокойство и желание сбежать. К священникам, наверное, тоже приходят всякие помешанные, одержимые, маньяки... бр-р. Как поступают батюшки? У них там, в церкви, вероятно, специальные практикумы проводятся для облегчения пастырской участи, с инструкцией, указаниями, прочими рекомендациями...

Сонины опасливые ожидания оправдались: Мария начала рассказывать. С ходу, без предисловий, будто зачитывая биографию на диктофон.

– Я родилась в маленькой якутской деревне, училась в районном центре и больше нигде не была. После школы решила поступать на филологический факультет – любила русскую литературу, стихи сочиняла. Гордилась тем, что чисто по-русски говорю. Район-то якутский. Мечтала вернуться в родную школу учительницей, стала готовиться к вступительным экзаменам. Тем временем в наше село «грачи прилетели» – хохлы-шабашники, детский сад строить. Парни молодые, по субботам на танцы в клуб похаживали, играли в бильярд... И я влюбилась. Скоропалительно, с разбегу, порох оказались оба! Через неделю привела Павла домой, заявляю маме: «Знакомься, мой муж». Избалованная была, что хочу, то и делаю. Бедняжка моя заплакала: «А учеба-то?» Ой, мама дорогая, какая учеба, пойми – любовь же у нас! Любовь!

Женщина улыбнулась воспоминаниям, глаза заискрились печально, мягко. Соня удивилась: как могли они померещиться ей «провалами»? Да и виноград не напоминают нисколько. Красивые «индийские» глаза. Да... Анупама. Волнистая прядь снова прикрыла ухо. Вернее, то, что вместо него осталось.

– К сентябрю строители сдали объект, отправились в Якутск, и я с Павлом. Сходили в университет ради интереса. Гляжу: кабинет приемной комиссии работает, дверь распахнута. Девушка за столом заполняет какие-то листы, табличка впереди с именем: Софья Семенова.

– Вот вы где меня видели! – воскликнула Соня. – А я... у меня на лица память не очень...

– Вы на входящих и не смотрели. Некогда, бумаг куча. Я постояла, полюбовалась. Какая, думаю, девушка красивая и умная! На вас была модная зеленая кофточка, помните? Честно скажу: в тот миг возникла в моей голове мысль бросить Павла, спросить у Софьи Семеновой, есть ли еще надежда поступить хоть на подготовительное отделение, хоть куда... Вы своим строгим видом словно предостерегали меня от чего-то. Но тут Павел за руку взял – пойдём.

Она вытряхнула из пачки новую сигарету, закурила.

– В Усть-Илиме стройка была большая. Выдали нам комнату в общежитии. Я там же уборщицей устроилась, к Новому году кой-каким хозяйством обзавелись. Счастливы были... Слышу однажды – бабы в общей кухне обо мне судачат. Кто-то из них Павла жалел: мол, мужик-красавец голытьбу подобрал, чукчу без приданого. Машка эта, видать, и говорить-то

по-русски не умеет... Я нарочно перед дверью тапочками пошаркала, бабы заткнулись. Стоим, молчим, все своим обедом заняты. Я борщ сварила, принесла в комнату и давай плакать. Потом села маме письмо писать, а написала стихи. Павел пришел, спрашивает: «Чего грустная?» Нашел листок на столе и все у меня выпросил. «Дурочка, – говорит, – на фиг мне твое приданое, раздетая ты интереснее выглядишь!» Смеялся...

Соня забыла о лечении духовных недугов и отпущении грехов. Время потеряло отчетливость, секунды задумчиво перетекали из одной в другую. Соне было интересно переживать моменты чужой жизни, в которых, как выяснилось, и она, совершенно о том не подозревая, сыграла маленькую роль... Ах, вот почему близкие несли ей свои исповеди... Она просто умела слушать.

– А прочитайте мне эти стихи... Если можно.

– Да какие стихи! Ерунда.

Сказали – приданого нет...
А этот бесконечный свет
в придачу к звездам и луне,
любовь моя – приснились мне?
Ну разве не богат мой дом:
хрусталь – сосульки за окном,
чиста, как зеркало, река,
как наволочки – облака,
на ветках – иней кружевной,
и солнца золото со мной —
его тут через край с утра,
как вечерами – серебра...
Не моль и плесень в сундуках,
а целый мир в моих руках,
и знает пусть народ окрест,
что я богаче всех невест!

– Неплохо, – сдержанно похвалила Соня.

– Спасибо. – Она смутилась, польщенная. – Так и жили. Придет Павел с работы, а я ему – борщ и стихи. Весной заскучал по Украине. Поехали к нему на родину, она тогда еще заграницей не была. Новая родня приняла меня ни хорошо, ни дурно – никак. Но домик небольшой купить помогли. Я сына родила, через год – второго. Мальчиков моих... Как он их любил! Натрудится за день, устанет, а все равно с ними вошкается...

Сонина спина уловила вибрацию – по телу соседки пробежала судорога, током пробившая бесчувственный холод скамьи. Глаза снова ярко блеснули. Слезы? Нет, ответ из окна. Рука поднялась в легком жесте и, чуть задержавшись на уровне груди, упала, будто надломилась в локте... И вдруг тишину прорвал полузадушенный крик:

– Они сгорели! Мои мальчики!

Притаившись в тени, Соня сидела не шевелясь, как мышь в западне. В голове гуляли сквозняки. За толстым окном в зале ожидания царила безмятежность.

– Я в магазин бегала, – хрипло прошептала Мария сорванным голосом. – Получаса хватило, чтобы жизнь наша кончилась. На похоронах... не плакала. Не могу при людях. Павел, пьяный, взъярился: «Хоть бы слезинку уронила! Спокойная, как все вы, якуты!» Со зла сказал, конечно... Домой стал заявляться поздно, часто выпивший, и я собралась уехать. Кое-как дождалась сорока дней. Что на поминках было – не помню, только глаза его злые. Чужой, жестокий, взял меня ночью грубо... Просто – взял. Я до утра глаз не сомкнула, пока он храпел

рядом. Вот любовь моя – карусель – блуждает, кружится, не остановить... Оксана – подарок той ночи. Ему это имя нравилось. У дочки и губки, и волосы папины, и подбородок с ямочкой... Павел о девочке нашей не знает. Я уехала на другой день после поминок. Вернулась и не жила... не жила... Мать от Павла письмо получила, спрашивал, как я да что. А мне не до него совсем. Поняла, что залетела. И когда! В сороковины! Почти всю беременность пришлось на сохранении лежать. Чуть не померла.

Мария вздохнула. Кусочек пепла упал на изогнутую ножку скамьи. Зарница окурка, описав полукруг, погасла в каменной урне.

– Исполнилось дочке три года, и мы с ней сюда приехали. Здесь подруга моя школьная обосновалась. Помогла устроиться на завод, комнату дали. О Павле я старалась не вспоминать, да куда от сердца денешься... Если б не Оксана... Прошлой осенью прибежала дочка из коридора сердитая – коридор в общежитии длинный, детворе раздолье носиться – и пожаловалась, что большие девочки «безотцовщиной» обозвали. Ясно море, думаю, взрослые слова повторяют. Но не без затей оказались девочки, не поленились Оксане растолковать, что это такое – безотцовщина. Руки-то у меня и опустились. Я для своего ребенка хоть звездочку с неба достану, а папу – как?! Дочь говорит: «Ты, мам, не плачь, я им сказала, что у нас есть папа – сосед дядя Коля». Оксана не зря Николая в папы записала, он ее баловал. То коробку дорогих конфет принесет, то книжку, а ко дню рождения специально для нее заказал куклу. Этих кукол одна маленькая артель мастерит – глухие художники, его друзья. Раньше дело у них вроде бойко шло, заказы даже из-за рубежа поступали, нынче все хуже, поэтому куда попало сдают, лишь бы деньги выручить. Анупама – тоже их работа. А та кукла мне почему-то сразу не понравилась. Красивая, но с тревожным лицом, глаза – не глаза, точно чаши печали... До того я не сильно задумывалась о щедрости соседа, ведь Оксана сама как куколка, все восхищаются, аж беспокойно. Тогда-то и дошло: тактика! Он таким образом ко мне клинья гнул. Поразмышляла я, и то ли дочкины слова душу разбередили, то ли еще что, захотелось чего-то стабильного, семейного... Николай симпатичный, добрый. Правда, немного вспыльчивый и... глухой. Вернее, слабослышащий, с нечеткой речью. В детстве от осложнения повредился слухом.

Мария внезапно поднялась и достала из урны бумажную коробку. «Что собирается делать?» – удивилась Соня. Разодранная в клочья коробка вспыхнула маленьким костерком.

– Руки погреем.

Лицо Марии, подсвеченное снизу, как лампадой, еще больше напомнило лик на иконе. Лицо было тревожным... глаза – чаши печали...

– Сперва жили дружно. Оксана к нему привязалась – папа, папа. Но через несколько месяцев я поняла: он мне в тягость. И Коля понял. Ревнивый был, начал добиваться, чтобы рассказала ему о Павле. Я объяснила: не сошлись характерами. Ни слова о сыновьях... Голову ломала, как теперь разойтись по-доброму, и все тянула из-за дочки. А тут друзья пригласили на новоселье. Я не хотела идти, будто чужая, Коля настоял. Оксану к подруге отвели... В гостях он мрачнее тучи сидел, пил рюмку за рюмкой. Меня отчаяние разобрало. Махнула рукой: ну и глыбай! Назло все танцы подряд отплясывала, на него ноль внимания. Вышли на лестницу покурить с нашим профсоюзником, кумекали с ним, могу ли я переехать в другую общежитку, и вдруг этот гад прижал к стене, давай лапать. Не успела я отпор дать, дверь открывается, и – Коля... Раненым зверем взревел! Глухие не знают, каким страшным бывает звук... Народ на площадку высыпал, профсоюзник со страху свалил. Николай пометался, схватил в охапку пальто-шапки, меня и – домой без «до свидания». В общежитии орал: «Сука ты, слуха, плять!» Всех соседей на уши поднимал. До этого никогда не матерился. Мне обидно стало. Не выдержала, говорю: «Я – шлюха, а ты – глухой!» Он по губам прочитал. Ох, думаю, что наделала! Да поздно, слово-то не воробей. Вот когда я Николая насмерть оскорбила, век себе не прощу... За нож взялся. Сейчас, думала, зарежет, а он – ухо... Сам кричит: «Я глухой, да? Я – глухой?! Будешь и ты!»

– Боже...

– Ничего, почти зажило. Две недели ходила как Ван Гог. Подруга подстригла, чтоб в глаза не бросалось. Ведь незаметно же?

– Абсолютно не видно, – поспешно заверила Соня.

– Николай заявление на себя накатал, дали год условно. Отличный производственник, характеристики – хоть в депутаты двигай. Прислал письмо, – Мария усмехнулась, – одного «прости» полстраницы. Жил у друга Ильи Хлебникова, в общагу – ни ногой. На днях пожаловал ко мне поздним вечером Хлебников: «Прости ты Кольку, не держи зла за душой. Любит он вас с Оксанкой, повеситься готов. Понятно – не вернешься, да и кто б на твоём месте... Умоляет только, чтоб простила. Вот, – протягивает пачку денег, – с книжки снял, Оксанку растить. Сказал, что порвет и выбросит, если не возьмешь». Огромные деньги, я сроду столько не видела и знала: не врет Хлебников. Николай правда порвал бы и выбросил. Такой человек. Ладно, думаю, а то мало ли что натворит. Хлебников помялся и говорит дальше: «Личная у меня есть к тебе просьба: не продашь ли куклу? Ту, которую он Оксанке подарил. Племяшке приглянулась». Я бы и даром отдала, не жалко, но ведь не моя вещь, дочкина. Замешкалась, а Хлебников настырный, стоит над душой, продай да продай. Я разозлилась, хотела Колины деньги в лицо ему швырнуть. Он испугался: «Смотри! На дитя же дал Коля, от сердца!» На улице уже догнала Хлебникова, куклу в руки сунула. Обнялись на прощание... На лестнице чувствую – карман на плаще тянет, и обомлела: вторую пачку запихнуть успел. Сумма – безумная! Это за игрушку-то, не новую, попользованную?! Мог бы на эти деньги пятьдесят кукол заказать своей племяшке или даже сто! Опять, поняла я, Николаевы штучки. Помчалась за Хлебниковым, он шмыг – и в автобус, прокричал только: «Не дури, мать!» Оксане я сказала, что Машу (куклу как меня звали) пригласили в игрушечную страну, и ей там понравилось. Собиралась потом купить любую, где попадется, поэтому глазам не поверила, когда Анупаму углядела в киоске. Повезло! Прямо индийское кино какое-то с хеппи-эндом... Денег должно хватить на квартиру в «деревяшке», может, и на диван останется, не на полу же дочке спать. И заживем мы с ней без иллюзий. Я для нее и мама, и папа. В лепешку разобьюсь, а в лучший садик устрою, затем – в частную школу, самую лучшую.

Мария говорила почти надменно, словно убеждала Соню в том, в чем Соня не сомневалась.

– Нет, не думайте, моя девочка неженкой не будет. Я Оксану всему научу. Она у меня посуду мыть умеет, вышивать пытается. Ее ведь, на кого бы ни выучилась, тоже бабья доля ждет. Бога стану молить, чтоб не такая, как у меня...

Выговорившись, она словно обессилела – руки устало упали на колени. И вдруг Соня услышала птичий звук – эта женщина смеялась!

– Ох, разболталась я! – выговорила она сквозь странный клекот смеха. – Вы, наверное, притомились от моих откровений. Сама не пойму, что со мной сегодня... Спасибо, что выслушали.

– Ну что вы, – пролепетала Соня, – все нормально, вам спасибо... э-э... за рассказ, было крайне... – и прервалась, с ужасом отмечая циничную насмешливость и глупость своих слов.

Они поспешили к входу.

Соня шла и думала, что в этот раз в ее советах никто не нуждался. Да и что могла она, Соня, успешная, счастливая... бездетная, посоветовать Марии? Вынужденная праздность заставила Соню войти в мир чуждых проблем, незнакомых стремлений, в мир, такой далекий от среды, к которой она принадлежала. Этот мир – примитивный и сложный, как сама жизнь, почти силком открылся перед нею во всей своей щемящей убогости. И красоте...

Перед дверью Соня оглянулась, ощущая спиной чужой взгляд. Но никого позади не было, кроме ночи, луны и звезд.

Утром радостная толпа беспрепятственно двинулась к летному полю. В самолете мать с девочкой и роскошной куклой разместились на передних сиденьях. Рассеянно кивнув Соне, Мария скрылась за высокой спинкой кресла. В уголках ее губ, уловила Соня, трепетали легкие морщинки досады. Между попутчицами выросла стена отчужденности. Мария, похоже, корила себя за стихийную откровенность, а Соня испытывала неловкость человека, ставшего случайным очевидцем чьих-то очень личных событий.

Набирая звук, заурчал мотор, Соня взглянула в иллюминатор на аэропорт и увидела в окне второго этажа одинокую фигуру. Высокий мужчина прижался к стеклу грудью, прильнул к нему лицом и скользящими ладонями. Выражение лица издалека, конечно, было не разобрать, но в красноречивом силуэте, во всей напряженной, скованной позе читалась глухая безысходность. Сродни отчаянию Икара, который всего несколько секунд назад удостоверился, что его крылья погибли.

Полет продолжался долго. В дрему проскальзывали фразы соседнего разговора. Слова нанизывались на нить неуловимой темы, как бусины.

– Такого вообще не бывает...

– Бывает...

– Да не может быть...

– Еще как может...

– И вы до сих пор верите?

– Не просто верю. Я на фотографии видела.

«О чем это они?» – лениво шевельнулась Соня и проснулась.

Фотография, да. Кукла с глазами Марии была дорога Николаю как память. Возможно, он заказывал ее со снимка, а Мария, отторгая беду и стремясь ради ребенка противостоять печали, не идентифицировала куклу с собой. Не по просьбе ли Николая индианку Анупаму пристроили в задрипанный киоск в аэропорту?..

Спать расхотелось. Соня уныло думала, что Саша ни к кому ее не ревнует, потому что, кажется, просто не любит. И она его не любит. И никогда не любила. Зато они удобны друг другу. У них все хорошо. Без иллюзий.

Соня все-таки уснула, и ей приснилось, что она стоит в зале ожидания у окошка киоска перед кучей шоколадных батончиков и бесконечно их ест. Она ест, уже чувствуя вместо сладости вязкую полынную горечь, а молчаливая толпа вокруг смотрит и смотрит ей в рот...

Когда самолет зашел на посадку, тошнотворные приливы вьяве подкатили к горлу, застревая трудно сглатываемым, закладывающим уши пузырем. Лайнер наконец сел, и с Сони стряхнулись остатки сна. Жутко мутило, жить было противно. Скорее подкраситься, припудрить нос... осталось ощущение какой-то беспокойной незавершенности, недосказанности. Соня свесила голову со спинки кресла в проход: впереди мелькнуло и пропало красное пятно детского пальтишка.

Вслед за другими она автоматически пробралась по салону к выходу, понеслась в переполненном автобусе к зданию аэропорта, поцеловала мужа и окунула лицо в душистую прохладу цветов. Поймав ее мечущийся по толпе взгляд, Саша мимоходом поинтересовался:

– Солнце, кого ищешь? – и, не дожидаясь ответа, принялся рассказывать о работе, занудстве директора, чьей-то необычайной тупости...

– Вчерашнюю ночь, – сказала Соня невпопад.

Муж не врубился, о чем речь, но она ему не помогла.

Вечером были ожидаемые свечи, музыка, бутылочка не поддельного «Киндзмараули», свежайший торт с черемухой, как Соня любила, а Саша расстарался достать. А вот упоительной, один в один, близости с нераздельным полетом в райские кущи не получилось. Муж заметно расстроился, и, когда, щекоча Сонину шею усами, шепнул: «Солнышко, ты сегодня почему-то зимнее», – Соне почудилась в его голосе ревнивая нотка.

Потом они лежали спокойные, расслабленные, родные – пусть и без полета. Соня, благодарная за внимание мужа, рассказывала о Марии. Точнее, пересказывала ее исповедь. Саша как будто был весь жалость и сочувствие, но неожиданно хохотнул:

– Куда ухо-то девали?

Соня оцепенела. К горлу подступили давешняя тошнота и болезненный в своей настойчивости привкус той «сонной» горечи, а на ум пришло немыслимое в их индивидуальном лексиконе слово: скотина.

...Никогда больше не встречала Соня ту женщину с девочкой, хотя со времени сумасшедшего марта прошло немало лет, а они, должно стать, жили в этом же городе. Но пересечься и впрямь было сложно. Соня с Сашей купили квартиру в элитном районе и не имели причин посещать окраинные деревянные кварталы. К тому же, приобретая каждый свою машину, не пользовались услугами общественного транспорта. По вечерам супруги продолжали трудиться дома. Соня готовилась к докторской, Саша защитился давно. Им нравилась работа, нравилось состояние постоянного погружения в нее с отпускающим пары отдыхом раз в год в какой-нибудь новой, не виданной еще стране. Друзья завидовали их частым поездкам за границу, безмятежной, без сучков и задоринок, жизни. Саша помогал многочисленным родственникам устраивать в вуз юных олухов, Соня полюбила делать родителям и сестре щедрые подарки.

Она была счастлива.

Но раз в полгода ее посещал страдающий раздвоением личности март, после чего уютный налаженный быт вдруг с треском разваливался. Выхоленный дом начинал казаться комком скотча, а сама она – влипшей в него мухой. Соне хотелось по-бабьи выть, заламывать руки и драть на себе волосы. Она запирала дверь своей спальни и забивалась в угол кровати. Прижав голову к коленям, она крепко их обнимала, чтобы не поддаться дикому желанию бежать, бежать без оглядки – в снегопад, в темень, в никуда, лишь бы избавиться от непонятной вины перед собой. Душу Сони выворачивали тоска и жажда отдать себя кому-то целиком, без остатка, до последней капли крови. Кому – она не знала.

Саша деликатно подозревал, что приступы рыданий, изредка доносящиеся до него через стенку, свидетельствуют о приближении перехода жены из женщины в «девочки опять». То бишь в старушки. И ни о чем не спрашивал.

На следующий день Сонины разбитые пазлы возвращались на место, жизнь бесшовно схватывалась и снова становилась гладкой, ровной, будто из-под утюжка. И текла себе дальше в ожидании хеппи-энда. Как в индийском кино.

Такое красивое солнце

Аля и Лика вполне могли бы назвать учебный год каникулами. Каникулами от мамы с папой. Если честно, родители и летом не особенно утруждались присмотром за ними. Зато иногда вся семья ездила в путешествия на моторной лодке по большой реке или просто по грибы-ягоды на мотоцикле с коляской. Но едва начинала желтеть березка под окном, девочек снова полностью предоставляли самим себе.

Кто-то сказал: «Родители достаются нам, когда они уже слишком стары, чтобы исправлять их дурные привычки». Дурной привычкой молодых родителей Али и Лики была общественная работа. Кроме того, что мама с папой работали учителями, сидели на педсоветах и занимались воспитанием чужих детей, они постоянно ходили на всякие собрания и рейды, а дочки целыми днями гуляли одни на улице. Правда, по субботам их брали в клуб на репетиции.

То, что происходило на репетициях, называлось трудно-вы-го-ва-ри-ва-е-мым словом «художественнасамодетельность». Папа высоким голосом пел соло. Мама к каждому празднику готовила какой-нибудь новый танец народов мира или гимнастический номер. Сидя на концертах в первом ряду, девятилетняя Аля сгорала от стыда, когда взрослый мужественный папа заливался соловьем, распевая «Джамайку» из репертуара итальянского ребенка Робертино Лоретти, а мама, к восторгу старшеклассников, махала ногами и кувыркалась на сцене, проделывая вместе с кульбитами непоправимые бреши в своем педагогическом авторитете.

Папа объяснил, что Джамайка – это остров Ямайка. Сестры удивились непроходимой глупости людей, назвавших место жительства таким странным именем, и дико хохотали на эту тему. Я – майка! Еще бы назвали «Ятрусы»!

Чтобы дети не мешали репетировать, хударук тетя Галя выпроваживала их в зал, где проводились массовые танцы, посещаемые всем селом. В набитом под завязку зале не хватало сидячих мест, и предусмотрительный народ тащил табуретки из дома. Густо пахло конюшенной, духами и подмышками. Магнитофонные колонки трудились на пределе возможностей, выжимая из себя шум и грохот иностранной музыки, бойко стучали шары на ожившем в фойе бильярдном столе.

Слабая Лика не могла долго стоять и быстро засыпала. Уложив ее с чьей-нибудь помощью на широкий подоконник в ворох пальто, Аля с интересом наблюдала за свирепыми лицами скачущих пар и прислушивалась к громким сплетням глуховатых старушек.

– Слышь, Марусь, Катька-то за долгана взамуж вышла!

– А-а?

– За долгана!

– Да что ты г-ришь! Кто ж он по нации-то – якут, татар или русский?

– Кто его, лешего, знает!

– Ты, Семеновна, слыхала, что Мишка переспал-таки с этой Глашкой-оторвой?

– Ась? Да ну!

– Вот и гну!

– Надо же, мандавошка какая!

Вошки были для Али пройденным этапом. Однажды в их доме на несколько дней остановилась девочка из дальней деревни. Из-за вшей ее не брали в интернат, и мама мыла голову девочки вонючим керосином. Считалось, что он помогает при педикулезе. Когда вошки у девочки вывелись, голову пришлось мыть керосином уже Але. В школе она выяснила, что перед началом каждого нового учебного года керосиновой экзекуции подвергаются почти все ее одноклассники. Однако вошки с подозрительной приставкой «манда» были Але неизвестны.

Уходить с веселых танцев не хотелось, но репетиция заканчивалась. Родители торопливо одевали дочек, отец брал младшенькую на руки, и семья храбро выходила в мрачные сумерки зимней ночи.

По дороге Аля мучила маму вопросами.

– Мам, долган – это кто: якут, татар или русский?

– Долган – это долган.

– А кто такая мандавошка?

Мама споткнулась и по инерции немножко пробежала вперед. Аля повторила вопрос.

– Лобковый паразит, – ответила мама резко.

Хорошо, что было темно, иначе бы она увидела, как Аля съежилась от ужаса, потрясенная бранным словом, вырвавшимся из маминых строгих учительских уст. Аля, конечно, слышала и знала еще не такие словечки, но мама применяла свои самые страшные ругательства «паразит(ка)» и «обормот(ка)» в чрезвычайно редких случаях. Аля помнила, по крайней мере, всего два: когда она, прыгая с Ликой на закорках со ступеней, уронила ее, и сестренка сломала ключицу, и когда Лика свалилась в помойную яму, спасая оттуда щенка.

Аля ничего не поняла про мандавошку, но совершенно правильно сообразила, что эта водящаяся на лбу штука гораздо хуже и опаснее обыкновенной вши, живущей на голове.

В воскресенье мама с папой спохватывались и вспоминали о родительских обязанностях. Читали детям книжки, вырезали с ними снежинки и водили кататься на горку. Убедившись, что рядом нет учеников, они с буйным гиканьем и визгом скатывались вчетвером на больших самодельных санях. Накатавшись всласть, румяные родители, по очереди впрягаясь в сани, с чувством выполненного долга везли дочерей домой, и все продолжалось как всегда.

– Мамочка, а почему...

– Доча, некогда, видишь, я тетрадки проверяю.

Девочки ревновали маму с папой к ученикам, которым доставалось столько драгоценного внимания. Бабушка говорила маме, что внучки – беспризорницы. Если у нее случалось свободное время, она забирала Алю с Ликой к себе. Но бабушке с дедом тоже было некогда. Они работали в вечерней школе и так же без конца проверяли чьи-то тетради с домашними заданиями.

Как бы то ни было, детство из беспризорных походов сестер складывалось вполне здоровое и счастливое. Больше всего они любили достопримечательности, которых в деревне имелось множество.

На знаменитом «круглом» месте за клубом по выходным дням, а порой и в будни, сходились в драке две улицы – Верхняя и Нижняя. Одна находилась на горе, другая под горой у озера. Дрались и взрослые парни, и ребята после школы, а после, помирившись, «верхние» родственники ходили в гости к «нижним», и наоборот. Все были родней вдоль и поперек, и что делили, почему дрались – история умалчивает. Эти незабываемые зрелища восполняли девочкам нехватку событий и отсутствие телевизора.

Площадку между магазином и школой украшал треугольный дощатый памятник павшим героям. Кто-то сделал под ним подкоп и натаскал сена для обитающей здесь бродячей дворняги Зинки. Аля с Ликой забирались туда и подолгу играли с толстыми Зинкиными детьми. Злющая дворняга девочек не гнала. Выходя на охоту за курами, она оставляла на попечение Али и Лики непослушных щенят. Возвратившись с добычей, благодарно лизала нянькам руки.

В каменистой речке у маслозавода рыбы было немного, однако сообразительная детвора ловила ее в большом количестве. Из трубы под мостом, находящимся выше, как бы на пороге, в глубокую бетонную нишу с большим напором хлестала вода. Мальчишки и девчонки постарше становились по краям ямы и, рискуя захлебнуться или сверзиться вниз, собирали в оттопыренные майки вовлеченную мощным течением рыбу. Получасовое балансирование в студеном водопаде вознаграждалось полным подолом ельцов и гольянов. По младости лет сестры не

принимали участия в этой отважной операции, но неизменно получали удовольствие от одного только наблюдения. Кто-нибудь из удачливых рыбаков иногда отваливал им полные панамки плотвы.

А еще на окраине деревни возвышался Картошкин дом, старое овощехранилище. До этого оно было церковью. Храм не простил жителям осквернения: несколько лет назад в угол дома врезался грузовик. Пьяного водителя откачали, а трезвый пассажир погиб. Поэтому овощехранилище решили снести, пока же наглухо заколотили.

В народе о Картошкином доме ходили дурные слухи, и дети не упускали возможности погулять поближе к жуткому месту. Здесь Аля и Лика познакомились с одной из самых удивительных особенностей деревни – Матрешенькой. Так, с патриархальной жалостью ко всем убогоньким, сельчане звали карлицу с телом хрупкого ребенка и большой продолговатой головой. Наверное, тоненькая шейка уставала держать увесистый череп, и красные ленточки подрагивали в жидких косицах в такт мелкому трепету удлинённого лица. Оно было похоже на печальную лошадиную морду. Говорят, слабоумные любят все красное, и Матрешенька любила. Но светло-голубые, как прополосканное небо, Матрешенькины глаза вовсе не были бессмысленными. Они умели меняться. При взрослых заволакивались сонной пленкой и ясными, выразительными становились при разговорах с детьми. Говорила Матрешенька тихим певучим голосом, слегка заикаясь. Словарный запас имела небольшой, неправильный, но какой-то по-особому живописный и ласковый. Она знала массу детских поговорок и научила Алю многим из них. Если, например, одалживаешь кому-нибудь любимую книгу или игрушку, следует быстренько свернуть в кармане дулю и проговорить: «Эта книга (кукла, машина) принадлежит, никуда не убежит, ни в столицу, ни в село, ей у (имя) весело!» И вещь вернется обратно целехонькая, а иначе ты с ней распрощаешься.

Матрешенька рассказала, что в Картошкином доме живет племя комаров с человеческими лицами и ручками. На сотню обыкновенных комаров обязательно попадается один такой. Тот, кому повезет поймать в ладонь это волшебное насекомое, узнает от него всю правду.

– О ком? – в страшном волнении выдохнула Аля.

– Об себе и об любых людях, – объяснила Матрешенька, неверно поставив ударение в двух последних словах. – Слухай тонко, как писчит, и услышишь.

Алин одноклассник Толик принес из дома отцовский бинокль. Дети полчаса скармливали себя комарам в надежде услышать пророчества. Потом Лика не выдержала и расплакалась.

– Ты наврала! – заорал на Матрешеньку Толик, яростно расчесывая зудящие руки. – Ты наврала, нет говорящих комаров!

– А это что? – спокойно сказала карлица и показала крепко сжатый кулачок.

– Покажи!

Толик пригнулся с биноклем к Матрешенькиной ладони, с которой комар тут же взлетел, как с аэродрома.

– Эх ты, – укорила Матрешенька. – Я-то ловила-старалась, а ты упустил!

– Я успел, – пробормотал виноватый Толик, – я успел увидеть, какое у него лицо...

– Какое? – выкрикнули сразу несколько голосов.

– Кажется, человечье...

– А хотите, скажу, чье у него было лицо? – вдруг загадочно усмехнулась Матрешенька.

– Ну чье, чье?!

– Дяденьки того, что в машине разбился, – прошептала она.

Детей будто ветром сдуло. Больше никто, кроме Али, не смел приблизиться к ужасному овощехранилищу, да и она старалась обходить его как можно дальше. Но не было другой дороги к дому Матрешеньки, стоящему на самом отшибе, а Але нравилось бывать у нее в гостях.

Карлица жила с бабушкой, не по годам резвой старухой, бегавшей в деревне по подружкам.

– О-хо-хо, всего-то за семьдесят имям, совсем девчонки ишшо, а на ноги ленивы, – осуждала подруг бабка, собираясь в дорогу с гладко выструганной клюкой и объемистой сумкой. – Ну, вы тут покукуйте сами, чаю попейте, вот токась свежий заварила со зверобойником...

Дряхлый домик был похож на своих жиличек. Он, наверное, был ровесником бабушки и, как она, охал-покряхтывал. Единственное широкое окно светилося празднично и доверчиво. Время в избенке будто шло-шло, да и остановилось. Опрятные половички покрывали крашенные суриком щелястые половицы. Над столом блестела медная кухонная утварь, и белым лебедем выплывала из середины комнаты нарядная печь. Только деревянную икону в углу так засидели мухи, что лик святого еле угадывался.

– Почему вы с иконы грязь не смываете? – поинтересовалась Аля и получила резонный ответ:

– Мухи на святого садятся и сами святые делаются. Нельзя отмывать.

Матрешенька могла ответить на любой вопрос, хотя никогда не училась в школе. Аля спрашивала:

– Матреш, а чем долганы отличаются от русских, татар и якутов?

Карлица размышляла несколько секунд.

– Они долгие, потому – долганы. Телом долгие и жизнем, до ста лет живут.

– А мандавошки?

– Ну, эти-то – слова. Есть красивые слова – солнце, небо, котенок, а эти – плохие, вредные, я их и сказать боюсь. И ты не говори.

– Разве котенок – красивое слово?

– А нешто – нет? Ты же котенков любишь? Ну вот. То, что любишь, – все красивое.

Алю притягивали к Матрешеньке не только ее ошеломительные знания и жгучее любопытство к ее внешней непохожести на прочих людей – главным было то, что карлица рисовала, как никто из Алиных знакомых. На полке над Матрешенькиной детской кроваткой возвышалась внушительная стопка альбомов с рисунками цветными карандашами и акварелью. В них помещались размышления и переживания художницы. Аля любила рассматривать рисунки и слушать, как Матрешенька их объясняет.

– Кто это? – Аля показывала на изображение головастой матрешки, рядом с которой ступеньками спускались еще три. Последняя, правда, выпадала из серии – с пропорционально сложенным телом и славным лицом, в котором чудесным образом угадывалась сплюснутая до нормальных размеров физиономия Матрешеньки.

– Это я.

Вовсе не из-за имени она ощущала себя матрешкой. В каждом воплощении прятался свой секрет: одна матрешка умела притворяться, вторая знала язык вещей, третья видела недоступное другим... Последняя не-матрешка была подлинной, настоящей Матрешенькой.

– Правда – не то, что ты видишь, а то, что есть, – пояснила карлица. – Я нарисовала правду.

По ее словам выходило, что где-то далеко существуют разные миры, и один из них, самый красивый и добрый, – Матрешенькин. Там она и должна была родиться. Но по ошибке ангелов, разносящих младенцев по разным мирам, Матрешенька родилась на этой земле, исказившей ее тело в глазах остальных людей, как в кривом зеркале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.